

Протопресвитер Виталий Боровой: Из проповедей на пассиях в Богоявленском Патриаршем соборе (1978г.)

Проповедь

четвертая пассия*

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Дорогие братья и сестры! Сегодня мы с вами совершили последнюю в этом году пассию. На первой пассии мы с вами говорили о том, что взаимоотношения между Богом Творцом, Создателем, Искупителем и тварным миром, всем миробытием строятся не просто как взаимоотношения Высшего Существа с пассивным творением, а так, что божественная благодать, божественная энергия, сила Божия как бы проникает во все созданное, во все существующее, во все миробытие, и от этого взаимодействия между энергией Божией, между освящающей, созидающей и поддерживающей силой Божией и тем, что существует в мире, зависит спасение мира и наше с вами спасение. Потом на прошлой, третьей, пассии мы говорили о том, что в этом взаимодействии между силой Божией, созидающей, освящающей все существующее, и тварью многое зависит от человека. Нынешний кризис, кризис современного человечества со всеми бесчисленными угрозами, которые мы с вами ощущаем и которые исходят от опасных сил в этом мире, в определенной степени является следствием глубокого кризиса самого человека, кризиса в понимании человеком того, кто он такой, каково его существо, какова его сущность, каково его назначение. В связи с этим мы говорили тогда и о том, что суть человека, смысл его существования только тогда может быть раскрыт, понят и реализован человеком, когда человек будет в постоянном взаимоотношении с Богом и в постоянном борении за созидание своей личности. Но человек, как бы он ни был хорош, даже если он и осуществит свое назначение на земле, живет среди людей, живет в обществе, живет в человеческой семье; его жизнь, его деятельность и его спасение происходят в среде людей, в неразрывной связи с другими людьми. И вот об этом мы с вами сегодня и поговорим.

Эта неделя, дорогие братья и сестры, посвящена памяти преподобной матери нашей Марии Египетской. Мария Египетская служит нам хорошим примером того, как человек может родиться заново. Мария, великая грешница, нашла в себе силы стать великой праведницей, и вот в этом, дорогие братья и сестры, заключается вся суть, весь смысл человеческой жизни. Всякий человек — по учению Церкви Божией, по учению христианства — должен в этом мире как бы вторично родиться. Мы все рождаемся во грехе, мы все подвержены греху. Наша человеческая природа после грехопадения стала удобопреклонна ко злу. В мире появилось проклятие, грех и смерть, и спасение человека, смысл человеческой истории заключается в том, чтобы человек нашел в себе силы с помощью Божией преодолеть этот грех, гнездящийся в его природе, в его естестве, в его натуре, чтобы человек мог это побороть и как бы заново создать себя, как бы заново родиться, родиться в более совершенного, в настоящего человека.

Дорогие братья и сестры! Конечно, обстоятельства жизни разные, и грехи, которые творила Мария в то время, может быть, отличаются от тех, которые мы с вами творим, и условия, в которых она проходила путь своего спасения, своего исправления, своего перерождения от греха к святости, от злой жизни к праведности, другие по сравнению с условиями современной жизни, ибо то была вторая половина V и начало VI века нашей эры. Сейчас у нас условия жизни другие, и формы греховного проявления нашего человеческого естества другие, и

поэтому, естественно, методы, способы и формы борьбы со злом у нас не те, что были в то время, но суть остается той же. Суть состоит в том, что человек, ощущая в себе зло, находит силы побороть его, находит силы родиться заново, в нового человека, и весь смысл евангельского благовестия заключается в том, что христианство — это призыв к новой жизни, призыв к новому рождению человека, к его рождению во Христа.

Дорогие братья и сестры, когда человек лично, индивидуально борется с грехом и рождается в новую, праведную жизнь, то это его борение, его новое рождение происходят в среде других людей. Вот вас здесь много, и наша с вами жизнь взаимосвязана, поэтому новое рождение, новая жизнь каждого отдельного человека может оказать влияние на жизнь человеческого общества. И это очень важно. В прошлом, дорогие братья и сестры, христианская Церковь больше всего внимания обращала на отдельного человека, на его нравственное совершенство, на его борение со злом, грехом, страстями, на его личное спасение. Христианская Церковь часто забывала о том, что люди живут в обществе, люди живут в большой человеческой семье и что этот призыв к борьбе со злом, этот призыв к совершенству, к новому рождению в святость относится не к отдельному человеку, а ко всему обществу, ко всей человеческой семье.

И вот сегодня, дорогие братья и сестры, мы с вами слышали во время божественной литургии отрывок из Евангелия от Марка (10: 32–45), где говорится о том, что Господь, когда приблизилось время Пасхи, время Его страданий и крестной смерти, по дороге в Иерусалим, куда Он шел пострадать во искупление рода человеческого, стал учить Своих учеников. Он сказал тогда апостолам, что вот, мы восходим в Иерусалим, где Сын Человеческий, то есть Господь Иисус Христос, будет предан в руки архиереев и книжников, и они предадут Его язычникам, языческой власти, и Он будет страдать, и в третий день воскреснет. И когда Он говорил о Своих будущих страданиях, о спасительной смерти и воскресении, два ученика Его, братья Зеведеевы Иаков и Иоанн, обратились к Нему и сказали: «Учитель! Мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим». Он спросил: «Что хотите, чтобы Я сделал вам?» «Мы желаем, чтобы Ты дал нам, одному и другому, Иакову и Иоанну, право сесть по правую Твою сторону и по левую Твою сторону в славе Твоей». (Когда Христос явится во славе Своей после страданий, после крестных мучений, после смерти, когда после воскресения наступит слава Его, то они желают тогда принять самое деятельное участие в Его славе, разделить эту Его славу, сесть по правую сторону и по левую, занять, с их точки зрения, самые важные места в Его славе, насладиться Его славой.) Христос же ответил им: «Не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я пью (то есть чашу страдания)? Можете ли креститься тем крещением, которым Я крещусь (то есть крестной смертью)?» И они сказали, не зная, что говорят: «Можем!» — так их обуяло желание быть в славе, быть во власти, когда придет сила, власть и слава Христа, так их обуяло желание занять самые важные места по правую и по левую сторону Его, быть самыми важными людьми в этом наступающем славном Царстве Его. И тогда Христос сказал им: «Чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься (т. е. будете страдать, будете в скорби, будете в смерти), а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, а кому будет дано от Отца». И тогда другие апостолы, другие ученики Христовы, услышав это, вознегодовали, разозлились на Иакова и Иоанна за то, что они хотят занять первые места. Господь же позвал Своих учеников и сказал им, что начальники в этом мире господствуют над народом и сильные в этом мире имеют власть над людьми, но у вас пусть будет не так, у вас, у христиан, должно быть иначе: тот, кто хочет быть старшим, т. е. кто хочет быть первым, самым знатным, самым великим, тот должен быть всем слугою, и кто хочет власти, тот должен быть всем рабом, ибо Сын Человеческий, т. е. Господь наш Иисус Христос, не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих. Вот, дорогие братья и сестры, ответ Христов, и этот ответ есть в то же время и ответ Церкви Божией, это христианское

учение, говорящее нам о том, какими должны быть взаимоотношения между людьми, какими должны быть взаимоотношения в человеческом обществе, в семье людей.

Конечно, эти взаимоотношения требуют определенного распределения обязанностей, существования какой-то власти, какого-то начальства для того, чтобы был порядок, чтобы была полная возможность развить все взаимоотношения друг с другом согласно правилам человеческого общежития. Ни Господь Иисус Христос, ни Церковь, ни христианство не отрицают необходимости определенной иерархии среди людей, определенных служебных взаимоотношений, но эти взаимоотношения должны строиться по учению Христа, а значит, по учению Церкви Божией, по учению христианства, по нашему с вами пониманию. В основе этих взаимоотношений не должны лежать принципы господства, принципы власти. Эти взаимоотношения между людьми в структуре человеческого общества, в структуре международной человеческой семьи должны строиться на основе служения друг другу, потому что каждый человек является как бы слугой, как бы рабом по отношению к другому, т. е. тем, кто желает служить и помогать, кто не власти ищет, не силы, не влияния, а ищет, как послужить другому. И только в этом служении, только в этой взаимной помощи строятся истинные общественные взаимоотношения, основанные на принципах братской любви, а не на принципах господства, начальствования над другими.

Дорогие братья и сестры, вот тот идеал человеческого общества, который Церковь Божия предлагает всему человечеству, верующим и неверующим, христианам и нехристианам — всем. И эти принципы, этот великий призыв человечеству связан с Церковью как обществом людей, основанным Господом Иисусом Христом здесь, на земле, обществом, где люди не только достигают спасения, своего личного спасения, но обществом, где люди служат друг другу и как бы показывают пример тем, кто не является христианином, тем, кто не верит, тем, кто не знает Христа. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного», — сказал Господь. Если Церковь призывает к этому, если Церковь ставит перед человечеством этот возвышенный, благороднейший идеал истинного человеческого общества, то христиане должны показать, как это может осуществляться. И здесь, дорогие братья и сестры, мы должны покаяться, мы должны признать, что хотя Церковь Божия на протяжении всех веков своего существования являла и являет необычайные примеры высокой святости, праведности, любви, добродетели и совершенства человека как личности, мы не сумели показать эту праведность, эту святость, это совершенство в социальных отношениях, в общественных отношениях, в отношениях между людьми. А ведь Церковь оказывала решающее влияние на ход всемирной истории, в частности, европейской истории, она имела и силу, и власть, и всевозможные средства для этого.

Церковь в этом отношении не оказалась верной учению Христа. В самой церкви бывало достаточно часто проявление человеческой гордыни, желая сест у Господа Иисуса по правую и по левую сторону, стремления занять первые места, выдвинуть себя на первый план. Было это в Церкви! Было это в истории христианского общества! И мы должны с вами покаяться, мы должны с вами стыдиться этого, ибо мы веками призывали к построению идеального, совершенного, святого, справедливого, доброго, любвеобильного общества, но в своей среде, в своей собственной исторической организации мы были далеки от того, чтобы осуществить это, далеки от того, чтобы показать другим, как можно осуществить то, к чему мы призываем, чему мы учим. И вот теперь, дорогие братья и сестры, чувство социальной справедливости, чувство братства и солидарности людей, желание построить справедливое общество очень сильны у людей всего мира, верующих и неверующих, христиан и нехристиан. Христианские церкви во всем мире поняли этот свой исторический недостаток, поняли эту свою историческую вину, и теперь — мы можем сказать это со смирением, покаянием, но вместе с тем и с радостью — христиане и христианские церкви идут в первых рядах, делая

попытки осуществить то, к чему изначально призвана Церковь.

Дорогие братья и сестры, конечно, многие могут сказать и говорят, что иногда бывает так, что человек одумался, опомнился тогда, когда уже поздно что-нибудь сделать, когда он уже не имеет возможности осуществить то, что он желает, то, что он хочет. Внешне это как будто бы касается и нас с вами. Теперь церковь не имеет ни власти, ни силы, ни влияния, ни возможностей строить социально справедливое человеческое общество. Теперь это стремятся осуществить многие другие силы в мире. Но тем не менее мы с вами должны не только понимать это, но и твердо заявлять, что есть единственно возможный правильный путь построения справедливых взаимоотношений между людьми. Это путь, указанный Христом, путь, указанный Церковью, путь, который мы с вами — грешные, слабые, ничтожные — проповедуем и верим в него. Это путь отвержения насилия, отвержения господства человека над человеком, отвержения всякого подчинения себе других. Это путь братской любви, путь, на котором каждый из нас, каждый человек, каждое общество, каждая социальная система служили бы людям. Вот тот идеал, который, несмотря на все наше окаянство, несмотря на всю нашу историческую вину в прошлом и, может быть, в настоящем, является единственным спасительным и спасающим для всего человечества.

Дорогие братья и сестры, я хочу обратить ваше внимание еще на то, что было бесконечное множество попыток построить справедливые взаимоотношения между людьми, построить их без Бога, построить вопреки Христу, и все эти попытки оказывались тщетными, ибо человек, как мы с вами говорили на прошлой пассии, не может сделать сам себя центром, сам себя праведным судьей, сам себя как бы богом. Когда люди воображают, что это им удастся, тогда наступает, так сказать, всеобщий хаос, всеобщая борьба, потому что появляются многие центры, многие противоположные течения, каждое из которых призывает к себе, каждое утверждает свою истину и каждое пытается господствовать, захватить власть. По учению Господа Иисуса Христа, каждый человек лишь тогда станет полноценным, когда он будет в постоянном взаимоотношении с Богом и в постоянной борьбе с грехом, со злом, когда он будет в постоянном стремлении к самосовершенствованию. Лишь тогда человек будет таким и вступит во взаимоотношения с другими людьми не на принципах власти, господства, начальства, а на принципах служения друг другу, на принципах жертвенного служения — вплоть до страданий и смерти за других. Только тогда человечество обретет устойчивый путь и возможность построения справедливых отношений между людьми, построения настоящего человеческого общества.

Дорогие братья и сестры, заканчивая в этом году наш с вами молитвенный подвиг, пассии, будем помнить, с одной стороны, о необходимости покаяния не только в наших личных грехах, но и в исторических недостатках и немощах, которые явила в себе церковь как человеческий организм, как историческая человеческая организация. Вместе с тем будем с вами мужественными, честными, открытыми проповедниками и свидетелями того, что взаимоотношения между людьми — справедливые, хорошие, истинные, братские и устойчиво правильные — могут быть построены только на принципах любви, жертвенного служения, на тех принципах, которые заповедал нам Господь Иисус Христос, на тех принципах, которые проповедует Церковь, хотя она и не всегда была верна им, на тех принципах, в которые мы с вами верим, их исповедуем и проповедуем.

Будем же, дорогие братья и сестры, помнить, что, хотя истину эту мы с вами носим в наших слабых человеческих сосудах, грешных, немощных и, в сущности говоря, ничего не значащих, мы с вами — провозвестники, свидетели и апостолы этой великой истины спасения всего человечества, которая является и дана только в Иисусе Христе, Ему же слава во веки!

Аминь.

* Проповеди протопресвитера Виталия Борового на первой и третьей пассивах 1978 г. опубликованы в журнале «Православная община», № 33 (3) за 1996 г. На второй пассиве о. Виталий не присутствовал.

Священник Георгий Кочетков: О принципе «неиерархичности» в общине

Проповедь

(проповедь во время паломничества 1 июля 1996 года во Пскове) Слово на литургии после чтения апостола (1 Пет 5: 1-2, 5)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Говоря сегодня о чрезвычайно интересном отрывке из Первого послания ап. Петра, хотелось бы остановиться только на одной строчке и затронуть тему, очень трудную и даже опасную. Но она в жизни Церкви есть, всегда была и будет, и нам поэтому следует не только это знать, но побольше об этом думать. Эта тема пастырства в Церкви. Если внимательно присмотреться к словам Первого Петрова послания, то нетрудно заметить, что прямое обращение в нем к пастырям и к пасомым содержит в себе представление о пастырстве, несколько отличающееся от общепринятого у нас, современных христиан.

Не секрет, что с веками в церковном устройстве наращивались ветхозаветные тенденции — появились преграды, завеса, трехчинная иерархия. В апостольское время все было немного иначе, и это, конечно, отразилось в писаниях, дошедших до нас.

Ап. Петр пишет: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно...» — и дальше — «также и младшие, повинуйтесь пастырям». И наконец, как некий итог: «Все же, подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием». Конечно, странно слышать, что все в Церкви, в том числе пастыри, т. е. как старшие, так и младшие, должны подчиняться друг другу. Это несколько не укладывается в наши привычные, «ветхозаветные» представления об иерархии и пастырстве.

Итак, пастырей умоляет ап. Петр. Он — глава общины и он больше, чем епископ. «Пасите Божие стадо.., надзирая за ним». Надзирать значит осуществлять «епископэ» — ту духовную функцию, без которой Церковь жить не может. Делать это предлагает ап. Петр всем старшим в общине, а не кому-то одному и уж тем более не себе. Первое послание ап. Петра было написано или сказано, скорее всего, в связи с крещением, и обращено оно в большей степени к новокрещеным, как очевидно, в Церкви младшим. Хотя, как видим, также и к тем, кто занимается всей общиной, отвечает за всю ее жизнь, к этим самым пастырям, как старшим в Церкви. Итак, пастырь здесь не один в общине, а их много: «Пастырей ваших умоляю: пасите Божие стадо...» Впрочем, это вещь известная — здесь говорится о том пресвитериуме, который очень быстро и естественно сложился вокруг апостолов как основателей церквей и создался из многих людей. Их ап. Петр и называет здесь пастырями. Он же сам, как было уже сказано, больше, чем епископ, потому что апостол — не просто сопастырь, но и «свидетель страданий

Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться». Епископ — человек, выполняющий лишь одну, очень важную, неотъемлемую от церковной жизни функцию пастырского надзирания и управления. Апостол имеет значительно больше даров, так что когда мы слышим, что такой-то епископ — прямой преемник апостолов, то это правильно только в отношении этой одной функции «епископэ», но не во всем.

Кто же эти пастыри, осуществляющие «епископэ», которые должны пасти Божие стадо, надзирая за ним «не принужденно, но охотно», и которые должны знать своего Пастыреначальника? Совсем не случайно слово «Пастыреначальник» написано с заглавной буквы. Так здесь назван Сам Господь наш Иисус Христос.

Пастыри — это старшие, а те, кого они пасут, — это младшие. Но нам известно, что старшинство в Церкви может осуществляться по-разному. Когда люди ищут старчества, то на самом деле они ищут старшинства над собой, реального старшинства, благодатного. В Церкви это всегда было важно. В конце концов, кто такой пресвитер? Вспомним, что означает это слово — старший, старец, старейшина. Раньше пресвитер в Церкви и был старцем, и не нужно было искать других. Но со временем, по мере институционализации пресвитерского и епископского служения, как и всякого иерархического служения в Церкви, произошло некоторое различие, иногда даже разделение и противопоставление этих служений, если вспомнить писания некоторых дерзновенных святых отцов, как, например, св. Симеон Новый Богослов.

Здесь важно обратить внимание, на каком основании ап. Петр может после своего наставления старшим и младшим в Церкви говорить: »Все же, подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием». Нам надо было бы задуматься, почему в Церкви с веками оскудела общинная жизнь, оказавшись к XX веку разрушенной почти до основания. Только великие гонения последнего столетия восстановили, правда, лишь на какое-то мгновение, эту жизнь. Почему это произошло и почему община как духовная семья должна делать акцент в своей внутренней жизни на неиерархичности?

Старшинство есть всегда. Даже когда соберутся два-три христианина вместе помолиться, кто-то должен вести эту молитву, будучи, следовательно, старшим. А вот главенство, т.е. когда некто возглавляет церковное собрание, содержит в себе уже другой принцип — собственно иерархичности. Здесь появляется человек, ощущающий себя первым среди равных (*primus inter pares*). «Первый» всегда может стать началом нового ряда, нового порядка, т.е. иерархически возвышенным над остальными. Не случайно апостол все время говорит: Глава Церкви — Христос, вы же все — братья. Только Христос в Церкви — Глава ее, Первый в ней во всем. Старших же в Церкви может быть много: апостолы, пророки, пастыри, учителя, тем более, что всем верным надлежит «возрастать в меру полноты возраста Христова», «в мужа совершенного».

Первенство (от слова «первый») связано с иерархией значительно больше, чем старшинство. Это важно отметить, для того чтобы понять суть общины, в которой нельзя без старших, но которая может быть неиерархической, и без которой Церковь реализовать себя в полной мере не может.

Итак, пастыри пасут Божие стадо, осуществляя «епископэ» в Церкви, а младшие повинуются пастырям. Что значит «повинуются»? Это не то же самое, что подчиняться. Повиноваться — значит признавать активное начало как причину собственных действий, а подчиняться — значит считать другого выше себя по чину и его слушаться. Почитание другого выше себя, по слову Писания, — великий церковный принцип подчинения всех всем в Церкви. Для этого-то смиренномудрие и необходимо. При этом в Церкви есть старшие и младшие, и в этом есть

основа подлинной церковной иерархии, где старшинство может быть понято как мера большей преданности Богу и близости к Нему, и значит, благодатности в любом служении, при любом даре Духа Святого, а не только при каком-то одном, например, даре управления.

Младшие должны повиноваться старшим в Церкви, как бы трудно им это ни было. Они потому и младшие, что еще не могут быть таким же побудительным началом для других в Церкви. Если вы это можете — пожалуйста, несите ответственность старших и пастырей; если — нет, то повинуйтесь. Тот же, кто взял такую ответственность на себя, должен надзирать, если не за всем стадом, то хотя бы за его частью. И если он это делает плохо, если не уберег от волков своих овец, которые не его, а Христовы, то такой нерадивый пастырь должен отвечать за это.

Итак, общинная жизнь реальна не только при правильно понятом ответственном старшинстве, как иерархическом начале, но и когда есть это смиренномудрие, действительное подчинение всех в Церкви друг другу, когда каждый в Церкви может сказать, что почитает других выше себя. И не только сказать, но и жить так, чтобы искать драгоценные жемчужины даров благодати Божией, которых у тебя нет, в других, даже если ты предельно талантлив. Именно на том основании, что Бог дает каждому нечто такое, чего у других нет, мы и можем почитать других выше себя. И в этом смысле личностное начало и церковное начало в общине имеют принципиальное значение.

Так, мы снова начинаем говорить в категориях общинной жизни. Взвзвись за одну ниточку — неиерархичность общины — и потянув за нее, мы вытягиваем отсюда и личностность, и церковность, и, конечно, ответственность друг за друга, за всех, а не только за тех, кто мне нравится.

Если бы мы научились жить таким образом, то не теряли бы своих братьев и сестер в Церкви, не случилось бы с нами и того, что часто в церкви может все идти и без Церкви. Есть еще такая болезнь — отлучение Церкви даже от храма. Это когда в храме может совершаться всякое богослужение, но без народа. Народ может быть не нужен, поскольку его присутствие невыгодно, создает много хлопот, нарушается порядок...

Святые последних веков постоянно указывали нам своим примером и учением на необходимость возрождения общинной жизни в церкви. Это, в первую очередь, мученики российские, исповедники веры, такие, как о. Алексей Мечев, о. Сергей Савельев и др. Но не только они. Например, принципом жизни общины св. Паисия Величковского было взаимное послушание. Мы могли бы найти соответствующие параллели у преп. Серафима Саровского. И тот и другой часто говорили в терминах «духовных семей-общин». Надо собирать это наследие святых нашей Церкви, ибо оно разрознено, и подлинного собирания духа, действительного богатства наследия святых, увы, почти не происходит. Вряд ли нас удовлетворят написанные часто как под копирку жития или стихиры и тропари. Наконец, не забудем, что сегодня мы в монастыре, а монашество зародилось как реакция на начало серьезного, глубинного разрушения общинной жизни в Церкви. Первые монастыри, в первые века монашеского движения, восстанавливали прежде всего два принципа: принцип личного благочестия и служения и принцип общинности. Монашеская община, даже если она строилась иногда слишком по военному образцу, излишне ветхозаветно, все равно была общиной. Потому-то монастыри и монашеское служение в Церкви всегда было в центре внимания.

И, наверное, нам нужно вспомнить еще одни слова из сегодняшнего чтения: «Подавая пример стаду, а не господствуя», — говорит апостол пастырям об их служении. Если бы мы научились не словопрением, а примером зажигать сердца людей, в том числе для возрождения церковной жизни, для ее обновления, для возрождения общинной жизни в церкви, как ее основы, то мы быстро достигли бы тех плодов, которые потенциально несет в себе это движение в церкви.

Будем же просить Господа, чтобы все пережитки церковной жизни, существующие сегодня, ушли, чтобы Господь совершил Свое чудо возрождения церкви как общины, чтобы в ней были пастыри, которые пасли бы Божье стадо «не принужденно, но охотно», и чтобы в ней были такие младшие, которые могли бы с искренним сердцем повиноваться старшим, пастырям, чтобы в ней все друг другу подчинялись, почитая всех других в Церкви выше себя.

Аминь.

Священник Георгий Кочетков: Итоги паломничества в Польшу

Проповедь

Слово после воскресной вечерни в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках (13 июля 1996 г.)

Дорогие братья и сестры! Сегодня наш храм снова наполнился после небольшого перерыва, когда приходило в него немного народу. Как это обычно бывает летом, кто-то уехал по своим делам, кто-то — в отпуск, кто-то — на дачу, а большая часть наших постоянных прихожан — более трехсот пятидесяти человек — были в паломничестве.

Мы все сначала встретились в Пскове, в Мирожском монастыре, и имели не только великую радость проживания вместе — что для христиан всегда радость, ведь не случайно в псалме говорится: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!», — но и радость ежедневного служения — служения Евхаристии всем собранием, всем отправившимся в паломничество братством. Я думаю, что не только те, кто в первый раз отправился в такое паломничество, но и те, кто был с нами в прошлом году, не забудут этих замечательных дней. И вот удивительным образом случилось так, что в прошлом году в храме св. Климента, папы Римского, мы совершали Евхаристию первый раз после восстановления этого храма, а в этом году, во время нашего второго паломничества, в монастырском храме мы совершали вторую литургию также после его восстановления. И тот древний чин, который употреблялся на этой литургии, — причащение отдельно из Чаши и отдельно святого Тела, так, как это было во времена Иоанна Златоуста, — конечно, не забудется, я надеюсь, никем. Это будто такая маленькая деталь, — но она оказалась отнюдь не внешней, потому что потребовала от каждого дерзновения и особой ответственности в этом причащении. Казалось бы, как можно было взяться за край Чаши людям, которых многие годы учили, что мирянам до Чаши и дотрагиваться-то нельзя? И каждый, кто касался святой Чаши, чувствовал, что он как бы разделяет ту ответственность, которую имеет предстоятель, священник, когда перед ним в алтаре стоят святыне Дары. Каждый чувствовал эту ответственность за Церковь, за все собрание, пусть она и выявлялась, естественно, у всех по-разному, в зависимости от духовных сил и даров. Для нас это паломничество к святыням Пскова, совершившееся по благословию Святейшего Патриарха, действительно было укреплением и веры, и жизни. Мы видели буквально чудеса, которые совершались чуть ли не каждый день: больные выздоравливали, скорбящие веселились, ну а кому нужно было исцелиться от легкомыслия, тот тоже имел для этого повод.

И вот, дорогие братья и сестры, хорошо также, что в этом году впервые наша большая паломническая группа потом разделилась на три части: одни поехали в Польшу, также укрепляемые благословением Святейшего Патриарха; другие — более ста двадцати человек — отправились в Новгородскую епархию, и что особенно отрадно, туда наконец-то поехало наше молодежное братство, наша молодежная группа, которая также испытала на себе действие

благодати; третьи совершали паломничество в Латвию по следам, нами уже проторенным в прошлом году. И благодать не оскудевала нигде.

Мы сначала приехали в Белосток, в эту восточную окраину Польши, которая когда-то была Западной Белоруссией, но уже длительное время входит в состав польского государства, в город, где бок о бок живут и православные, и католики, где люди ощущают свою ответственность не просто за повторение и возрождение унаследованных от отцов традиций, но ответственность и за будущее — свое и своих детей. И эта ответственность выражалась многообразно. Мы видели на Белосточине множество новых костелов, мы видели и множество новых православных храмов, причем весьма немалых по размерам. Нас поражало то, что строят их простые прихожане, простые люди, собирая средства по всей стране. Это новые приходы, приходские храмы. Конечно, люди с сожалением вспоминают еще о тех храмах, которые по разным причинам были разрушены в XX веке. Но, тем не менее, они строят новые храмы и, значит, надеются на будущее, верят в то, что отступили времена непогоды, что Господь — Помощник и Покровитель всех верных. Отчасти нам было проще, чем тем, кто живет там постоянно. Мы с радостью и благоговением входили не только в православные храмы, но и в костелы. Нам это было не просто любопытно, не просто интересно. Для нас все это было средоточием духовной жизни. Тут мы видели, как много людей по воскресеньям посещают храмы, как люди для этого надевают свои лучшие одежды, часто не один километр идут пешком или едут на велосипедах. Мы ездили по разным дорогам, и перед нашими глазами раскрывалась трудная, порой трагическая история народа, населяющего эти места и всю эту страну.

Белосток является центром духовной жизни Польской православной церкви, которая имеет автокефалию и которая возглавляется митрополитом Варшавским и всея Польши Василием. Административный центр ее — Варшава, но духовный центр, безусловно, не там. Мы даже немного, может быть, были там этим расстроены после очень важных для нас, глубоких духовных впечатлений, которые мы получили в начале поездки в Белостоке и в монастырях вокруг него. В частности, мы были в Супрасльском монастыре, и я рад сообщить вам, что несколько месяцев назад после некоторых споров и разногласий с Католической церковью государством этому православному монастырю были наконец переданы все здания, ранее ему принадлежавшие. Были мы и в монастыре на Грабарке, в центре паломничества православных людей в Польше, куда на Преображение Господне приходят многие тысячи людей. Несмотря на то, что на этой святой горе нет каких-то особо важных святынь, это место стало привлекательным для многих — и для пожилых людей, и для молодежи.

В Белостоке еще мы познакомились с жизнью братств и были рады видеть ту большую работу, которую они ведут среди часто малочисленных прихожан того или иного храма. Почти при каждом приходе существует братство взрослое и братство молодежное с особыми программами, с особым опытом.

С Грабарки рано утром в воскресенье мы поехали в Люблин и там, войдя в кафедральный собор, были несколько удивлены тем, что епископ Люблинский Абель совершал литургию один, без единого дьякона и без единого священника. Потом владыка Абель нас принял, рассказал о церковной жизни в его епархии.

Мы прошли по всему городу, посмотрели храмы, костелы, святыни, университеты Люблина и отправились дальше на юг: в тот же день вечером нам нужно было попасть в Краков, а это довольно большое расстояние даже для России — от Грабарки до Кракова 500 километров.

По дороге из Люблина в Краков мы, естественно, не могли не заехать в концлагерь Майданек. Это довольно близко от города, даже на его окраине. Посещение этого концлагеря было для

нас совершенно неожиданным и таким, которое оставило неизгладимое впечатление у всех паломников. Мы пели Трисвятое, прошли крестным ходом вокруг огромной чаши, где хранится перемешанный с землей пепел — останки миллиона сожженных людей. Потом подошли к крематорию, видели эти страшные печи. И важно было то, что в сердцах наших не было места для сентиментальности. Только искренняя скорбь и молитва за всех, за всех погибших, кем бы они ни были.

И вот уже ночью через Сандомир мы прибыли в Краков — этот знаменитый центр образования, центр культуры. На следующий день мы также осмотрели город, в частности, знаменитый замок Вавель, увидели, как отразилась история польского государства в этом городе, который долгое время был столицей Польши — до XVI или даже начала XVII в. К сожалению, мы не смогли посетить ни одного музея, так как это был понедельник, когда музеи закрыты, и не увидели леонардовскую «Даму с горностаем», но она нам напомнила о себе позже, в связи с молитвой перед Ченстоховской иконой Божией Матери. К вечеру мы попали в единственный в городе православный храм. Для нас было непривычно то, что этот православный храм располагается в бывшей синагоге. В России мы такого рода прецедентов не знаем. Нас прекрасно принимали прихожане. Мы совершали вечерню так, как мы ее совершаем в Москве.

В этом краковском храме есть замечательные росписи очень известного современного польского художника и иконописца профессора Новосельского. Этот человек, поляк, православный, не закрытый, не зашоренный, с удовольствием, с радостью пишет иконы, ставит иконостасы даже и в униатских, и в римо-католических храмах. Конечно, некоторым это может и не нравиться, некоторые смотрят на это с подозрением, но мы, попав в этот краковский храм, поняли, насколько талантлив этот человек и действительно заслуживает той славы, которую имеет не только в Польше, но и за ее пределами. К сожалению, самого Новосельского мы не видели, потому что не знали, живет ли он сейчас в Кракове, и не могли подготовить эту встречу.

Были и какие-то шероховатости, и трудности на нашем пути. Мы, конечно, понимали, что все-таки существует какое-то отчуждение не только у православных к католическому большинству, но и наоборот. Однако мы знали и другое, и потому этим старались не смущаться.

В Кракове нас принял епископ Ян Шкодонь, который представлял архиепископа Краковского кардинала Махарского — личность довольно известную и, как мы слышали, весьма достойную. Для многих наших паломников встреча с православным епископом в Люблине и с католическим в Кракове была вообще первой в их жизни встречей с епископами. Покуда в Москве епископы нас не очень балуют, то в Польше встретиться с епископами им оказалось легче. И, как мне кажется, все поняли, что епископы — те же люди, которые так же могут уставать, тоже имеют свои взгляды, которые могут быть разными, с которыми можно, в общем, нормально общаться и беседовать вполне по-человечески и — самое главное — по-христиански.

На следующее утро из Кракова мы поехали в Ченстохову, в этот знаменитый город, где, конечно, посетили и монастырь паулинов. Нас провели по нему насельники этого монастыря и даже разрешили нам отслужить молебен перед Ченстоховской иконой Божьей Матери, которая является символом единения Запада и Востока, потому что эта икона долгое время находилась в восточных православных пределах, а потом стала главной святыней и польских католиков. Мы видели большое количество людей, которые бескорыстно несут несчетное количество драгоценных подарков к этому образу. Для многих католиков, которые слышали пусть не профессиональное, но искреннее наше пение вместе с настоятелем местного православного прихода во время молебна перед Ченстоховской иконой Божьей Матери, это было, видимо, большим духовным опытом и, вероятно, произвело на них глубокое впечатление, потому что они сразу подошли к нам и спросили, откуда мы, и удивлялись, что мы приехали сюда из

Москвы и что все 50 человек — православные. На их лицах была явная радость после этой молитвы.

Посетили мы и местный православный приход, который, к сожалению, находится в очень запущенном состоянии: постоянного храма у него сейчас нет, и то временное помещение, где совершаются богослужения, весьма убого, бедно и невзрачно. Это помещение они снимают вместе с адвентистами, только комнаты у них разные. Думаю, что в этом городе все-таки есть некоторое отражение той подавленности, которую ощущают эти немногочисленные православные рядом с огромной массой католиков, живущих в Ченстохове и совершающих туда паломничество. Наверное, это пережиток прошлого, который со временем уйдет, но пока, увы, он существует и, конечно, отражается на церковной жизни. Мы не могли не сожалеть об этом.

Далее мы отправились во Вроцлав — это еще 350 километров, — и Вроцлав нас буквально поразил и ослепил. Во-первых, потому, что это очень интересный город, который сейчас очень бурно восстанавливается, реставрируется в ожидании Литургического конгресса, который состоится в следующем году и на котором должен быть папа Римский.

В кафедральном соборе во Вроцлаве нас встретил православный епископ Вроцлавской и Щецинской епархии Иеремия, один из самых просвещенных и, безусловно, один из самых дальновидных епископов Польской православной церкви — в меру традиционный и в меру умеющий признавать веяния нашего времени и не мешать их воплощению. В этом городе два православных храма в помещениях бывших костелов, которые после войны находились в таком состоянии, что их даже отказывались брать католики. Теперь они в прекрасном, блестящем состоянии — все восстановлено. И там снова мы увидели иконы Новосельского. Это было очень интересно. В соборе совершаются богослужения строго уставные, на церковнославянском языке, а вот во втором храме, настоятель которого о. Евгений Цыбульский, богослужение совершается на польском, современном польском языке, и нам было наиболее интересно побывать там. И тут я должен сказать, что посещение этого храма для нас, может быть, было одним из самых важных в духовном плане моментов нашего паломничества, потому что так удивительным образом случилось, что мы служили вместе и совершали, я думаю, впервые в истории польско-русскую литургию на современном польском и на современном русском языках. У нас в руках были книги и, может быть, никогда так ясно и четко я не понимал польского языка, как именно в тот момент, когда совершалась литургия. И я сразу подумал: правы ли те, кто утверждает, что церковнославянский язык нужен для единства славянских народов? Говорю вам это как свидетельство о личном живом опыте, который я так ярко пережил и, как оказалось, не один я, а все наши паломники. Единство с польским языком, культурой, духовностью мы ощутили больше всего во Вроцлаве, когда вот таким неожиданным образом мы совершали богослужение. Степень духовного единства была максимальной, больше, чем даже в замечательных монастырях Белосточины, которые действительно духовно очень хороши. И мы, конечно, не могли не отметить того, что, оказывается, этот традиционный аргумент в пользу церковнославянского языка не работает, что он фальшив, он придуман. Я уж не говорю о том, что многие, очень многие славянские церкви давно перешли на свои национальные языки: большинство приходов в Болгарии, Сербии и т. д. служат на современных языках. Украинцы стремятся служить по-украински, белорусы — по-белорусски. И очень жаль, что в нашей стране еще слишком мало людей, которые так любили бы русский язык, которые владели бы им на высоте его мировых культурных и духовных достижений, людей, которые стремились бы к единству духа в союзе мира, в том числе к единству славянских народов, как, впрочем, и к единству всех людей, говорящих на иных языках. Открытое сердце во время Евхаристии вмещало бы в себя значительно больше, чем может вместить человек, просто узнающий привычные слова и выражения, к которым он, может быть, и привык с детства и которые он, может быть, очень любит, хотя и не очень понимает.

Из Вроцлава мы поехали в Лодзь. Контраст между этими двумя городами трудно описать. Лодзь осталась промышленным городом, не очень чистым, не очень красивым. Да, не случайно его сравнивают с нашим Магнитогорском. Были мы там в храмах и видели, что вполне традиционное благочестие малопривлекательно даже для тех православных, которые там живут, или учатся, или просто приезжают в этот город.

Далее мы поехали в Варшаву. Как всегда, осмотрели город. У нас была возможность встретиться с секретарем епископской конференции Польской католической церкви, скажем точнее, Римско-католической церкви в Польше, Тадеушем Перонеком, который не случайно пользуется доброй славой, хотя это и довольно молодой человек. Он был очень увлечен той беседой, которая завязалась между нашими паломниками и им. Встреча эта длилась довольно долго, не меньше двух часов, и было удивительно и приятно слышать, насколько мы близки почти по всем вопросам. Этот епископ имеет большое влияние, он второй человек после архиепископа Варшавского кардинала Глемпа в совете католических епископов Польши. И нас поразила его открытость и честность. Например, он открыто признает не только наличие проблем на востоке Польши, на Белосточине, в отношениях между двумя церквями, но и наличие таких же проблем в России. Да, действительно, обвинения в прозелитизме, иногда предъявляемые современным польским миссионерам в России, небезосновательны. И нам было очень важно услышать это из уст такого ответственного человека. Он сразу расположил всех нас именно своей откровенностью и честностью, своим умом. Прежде этот епископ почти не сталкивался ни с русской культурой, ни с российским православием, у него просто не было для этого повода в жизни. И мы, конечно, не преминули, немного, может быть, опрометчиво, горделиво подумать, что вот, встреча с нами будет для него что-то значить в этом плане. Не знаю, так это или нет, но встреча была действительно очень интересной.

Нас прекрасно принимали и члены Клуба католической интеллигенции (КИК), который для нашей группы прислал приглашение в Польшу. Мы имели целый ряд замечательных встреч в этом клубе, было очень радостно познакомиться с польской интеллигенцией — писателями, публицистами, поэтами, деятелями культуры.

На следующий день часть наших паломников, большая часть, около 30 человек, должна была уже уезжать, и они не могли быть с нами утром на литургии. Те же, кто еще оставался в Варшаве, пошли в кафедральный православный собор по приглашению о. Генриха Папроцкого. Это тоже православный поляк, человек, умеющий широко мыслить и понимать современные церковные, духовные нужды. И тут начались неожиданности: под конец, как всегда, нас ждали некоторые искушения. Вообще, поразительно — на протяжении почти двух недель никто из нас ни разу не захотел отдохнуть, прерваться, побегать по магазинам вместо того, чтобы пойти в храм, или в костел, или на экскурсию, или встречу. Никто ни разу не показал никаких признаков, так сказать, внутреннего разделения. Это было просто чудо, потому что группа наша была достаточно многообразной и в национальном плане, и по сроку воцерковления людей, и по их характеру. Были люди, только-только кончившие катехизацию, и те, кто уже довольно давно прошел этот путь. И ничего этого не было. Первые признаки усталости появились немного лишь в Варшаве. И вот в этом-то нашем как бы уже расслабленном состоянии Господь нам и дал возможность снова собраться. А случилось так, что в варшавском кафедральном соборе мне пришлось служить одному, чего я, конечно, и не просил, и не ожидал, но те священники, которые были в алтаре, поспешили в хор, другие же просто молились и помогали в алтаре, они, видимо, обрадовались такой возможности, что кто-то послужит литургию вместо них. Действительно, ведь они служат каждый день литургию, я могу себе представить это состояние, так что у меня даже ни на секунду не закралось никакого негативного чувства в отношении этих священников. Так получилось, что я служил один. И как я должен был служить? Я спросил о. Генриха: «Как мне служить?» Он ответил: «Ну, вот так,

как в Москве служите». Я говорю: «Правда? Совсем так?» Он снова отвечает мне: «Да-да, служите, служите. К нам приезжают и из Греции, и из Америки, здесь привыкли ко всему».

Надо сказать, что в собор в этот день пришло и много членов КИКа. Как я уже говорил, накануне там у нас была прекрасная встреча. Храм, вернее, его придел был достаточно полон, несмотря на то, что почти тридцати человек из наших паломников с нами уже не было. И вот я начал служить. И тут почувствовал, что служу как бы, знаете, в каких-то тисках. Ну сказали мне служить, как в Москве, — я и служил, как в Москве. И проповедь сказал, и «Христос посреди нас», и тайные молитвы читал вслух — все, как положено по православной традиции. И все наши братья и сестры причащались, чем, конечно, весьма удивили многих прихожан. А надо сказать, что в Польской православной церкви новый стиль, кроме востока, кроме Белостокской епархии. Но тут решили сделать исключение и устроили нам литургию как бы по старому стилю, то есть вдруг объявили второй раз Петров день. В общем, миссионерская ситуация была налицо. И вдруг в алтарь входит наш брат Виктор и говорит: «Восстание на клиросе». Я отвечаю: «Скажи о. Генриху». Виктор подошел к нему, и о. Генрих очень трезво отреагировал, сказав, что всегда найдутся какие-нибудь странные люди (смысл фразы был такой, но вместо слов «странные люди» он сказал по-другому, может быть, немножко покрепче). И мы продолжали служить. Тут я заметил, что один из батюшек, который начинал петь в хоре, вдруг исчез. Хор стал таять, но тут, как всегда, подключились наши паломники, которые замечательно восполнили оскудевающее. Мне потом в красках пересказали те диалоги, которые происходили в хоре, а там был и священник, и протодьякон — это был так называемый будничный, левый хор, который приходит каждый день, чтобы громко что-то спеть. И вот, что еще, конечно, шокировало наших паломников — они не привыкли к такому громкому и несколько беспорядочному пению. Если уж петь, ну, все-таки как-то с чувством, с толком, с расстановкой.

В общем, произошел не какой-то там духовный конфликт, а скорее, может быть, взаимное узнавание. Одни были удивлены русским языком и чином литургии, а других, наших паломников, удивил такой способ совершения Евхаристии, они были даже немного шокированы, и когда нужно было нормально говорить «аминь» — на предложении святых Даров, — я слышал очень мало голосов. И на «Христос посреди нас» — тоже, хотя некоторые и христосовались, но кто-то был в изумлении. Впрочем, стоявшие рядом бабушки, когда наши прихожане, наши паломники подходили к ним, говоря: «Христос посреди нас!», и целовались с ними, те просто расцветали. От уныния, весьма традиционного в некоторых православных храмах, не осталось и следа в один миг. И это вдохновило наших паломников. Правда, потом я подумал, что, вероятнее всего, в Варшаве не знали, что мы едем по благословию патриарха. Скорее всего думали, что мы едем только, так сказать, по благословию КИКа, только Клуба католической интеллигенции, и поэтому к нам отнеслись немного как бы с соответствующим «уважением». А мы почему-то не сказали всего того, что говорили обычно в таких случаях. Но все-таки мы дослужили, прекрасно причастились и потом имели маленький диалог с протодьяконом — не со священником, нет, куда его уже не было. Первое, что он мне сказал, было: «Мы ничего не боимся: мы не боялись атеистов, мы не боимся католиков». И предполагалось, наверное, что «мы и от вас сумеем уйти» — вот, как в известной сказке о колобке. Я, естественно, помня о только что происшедшем, поддержал эту здравую мысль, что бояться ничего не надо, ведь всякий боящийся несовершен в любви, так что мы мирно разошлись.

Потом в епархии, в митрополии, нам дали возможность перекусить. Там вообще очень развито странноприимство, и надо сказать, это прекрасно. Любой может прийти и, несмотря на то, что вот прямо здесь же, рядом, покои митрополита Варшавского и всея Польши, разложить свою еду, чай, попить и спокойно уйти, что мы и сделали после беседы с о. Генрихом,

который рассказал нам много интересных вещей.

Вот так мы закончили наше паломничество в Польшу. Нас сопровождали наши замечательные братья и сестры — католик из КИКа Павел Пшечишевский, православные Марк Холушко и Марфа Чешля, которые во многом нам помогали в Польше во время встреч и с православными, и с католиками. Они очень искренне относились ко всему, и когда кто-то проявлял какое-то иногда не совсем подходящее отношение к паломникам, очень расстраивались, больше, чем мы. В таких случаях они говорили: «Вот поэтому-то и уходят люди из церкви». Нам все это хорошо знакомо, так что мы их вполне понимали. В наших храмах ведь тоже часто бывают такие сцены, из-за которых действительно люди слабые могут уйти из церкви. Так что и здесь мы снова почувствовали родство.

Это паломничество для нас, конечно, незабываемо, совершенно незабываемо. Если бы меня сейчас спросили: «Куда ты хочешь ехать?» — вот если бы открутить эти две недели назад: куда лучше было бы поехать? — я, не задумываясь, повторил бы тот же маршрут. Ну, может быть, с некоторыми изменениями в деталях, ведь всегда есть то, что можно улучшить, но в принципе — именно этот маршрут. Он дал столь богатый духовный опыт, что можно только благодарить Бога. Для нас Польша как бы открылась уже не как камень преткновения и соблазна для многих русских или вообще православных, а как страна, которая хотя и имеет — как всегда все на земле — свои проблемы, задачи, и плюсы, и минусы, но которая видит перед собой перспективу, которая хочет жить по-христиански, хочет не только сохранить свои святыни, но и умножить их. Мы, надеюсь, будем продолжать наши контакты с теми людьми, с которыми нас Господь свел в те дни. И я даже не сомневаюсь, что на будущий год члены нашего братства, много ли их будет или мало, снова поедут по этому маршруту, крайне тяжелому, с точки зрения сложности похода, но удивительно важному и показательному, и нужному для того, чтобы понять внутреннюю жизнь Церкви, как восточной, так и западной. Особенно это важно в Польше, потому что это как раз как бы граница Запада и Востока.

Я не буду вам, братья и сестры, сейчас рассказывать о результатах поездки в Латвию и в Новгород, потому что еще подробно не говорил с теми, кто был там. Знаю только, что все очень хорошо, что эти паломничества также принесли большую радость участникам, и можно только благодарить Бога за все то, что они увидели, услышали, пережили. И не случайно сегодня на вечерне мы читали то место из Второзакония, где говорится о земле обетованной. Воистину эта земля открывается везде, где есть люди, верные Христу Духом Святым и через Христа — Отцу нашему Небесному.

Аминь.

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

С. Н.

Я родилась в 1947 г., и до 30 лет вопрос о Боге для меня не возникал.

Отец мой родом из тверского села Завидово, и семьей мы постоянно ездили туда в гости. Все вместе мы ходили в церковь и на кладбище. Народу на службе всегда было много, и я запомнила только пение хора, где выделялся один прекрасный и чистый голос. Пела наша

родственница тетя Шура. Она была замечательным человеком, вокруг нее всегда царили любовь, мир и покой. Мы все тянулись к ней. Она была крестной моего сына.

Позднее, когда ее дети разъехались, умер муж, а мои родители состарились и уже не могли навещать ее, это делала я, и с большой охотой.

Я приезжала в Завидово к началу богослужения, тетя Шура пела, и я всю службу была в церкви. Потом мы шли с ней домой. Очень быстро бывать в церкви стало потребностью. Когда не стало тети Шуры, я начала ходить в нашу церковь — в селе Городня на Волге.

Даже посещая церковь, я мало задумывалась о Боге. Осознала же это удивительно просто. Я работала конструктором, у нас был небольшой и очень дружный коллектив. Мы не только вместе работали, но и отдыхали. Однажды я читала вслух заметку, опубликованную в журнале «Наука и жизнь», где говорилось о том, что американские ученые опытным путем определили существование души человека. И когда я сказала: «Ну, наконец-то», наш ведущий тут же добавил: »Значит, и Бог есть». И я не просто произнесла: «Да, есть», я ощутила это сердцем.

Жизнь шла, был налажен быт, мое окружение вполне устраивало меня, но я постоянно чувствовала неудовлетворенность, мне чего-то не хватало. Когда я бывала в церкви, на какое-то время становилось легче, но лишь на время. В церкви я чувствовала себя гостьей.

Теперь я знаю, что Бог дела Свои творит через людей. Таким человеком для меня стала Ольга Б. Она помогла мне устроиться на работу в школу, где многие из учителей — верующие. В школе я почувствовала атмосферу любви.

Когда в очередной раз меня тяготила суета жизни, моя сотрудница сказала мне, что все мои проблемы можно разрешить, и предложила поехать с ней в Москву на «открытую встречу» со священником Георгием Кочетковым. У меня было чувство, что я наконец-то нашла своих. Никого не зная, я ощущала себя на своем месте.

Я стала посещать огласительные встречи, и за короткое время многое изменилось в моей жизни, а самое главное — стало другим мое отношение к ней. Теперь, когда я поняла, что сначала — Бог, а потом — все остальное, все встало на место. Я хожу на оглашение и очень надеюсь обрести полную веру и Божию благодать.

С. И.

Сколько себя помню, с самого начала более или менее сознательной жизни я жила на уровне инстинктов, стереотипов, схемы поведения, каких-то правил и норм, вдолбленных мне не знаю когда и не знаю кем. Вместе с тем где-то внутри присутствовало нечто личное, собственное, тайное, непонятное, стыдное... Я всегда знала о себе, что я плохая. Когда меня хвалили, ни радости, ни гордости не было. Были вина, желание спрятаться (они-то не знали, что я такое на самом деле!) и страх (что будет, если они узнают?). А главное — ощущение постоянного вранья. Наверное, потому, что всегда старалась идти «в струе» того, с кем общалась, попросту стремилась угодить. Наверное, чтобы меня считали хорошей. Правда, тогда мне казалось, что я помогаю, уважаю, сочувствую, жалею, т. е. поступаю хорошо. Это и была моя жизнь. Она состояла из чувства вины, страха, желания быть хорошей и отчаяния от невозможности осуществить это желание. Хотя внешне я казалась открытым, непосредственным, активным и веселым ребенком, потом — такой же повзрослев, моя истинная суть была там, в тайной глубине, которая притягивала, в которую я все время вслушивалась, вглядывалась. Ее было ни постичь, ни разглядеть, ни убрать.

Очень рано, еще в 8-10 лет, я поняла, что умру, что меня не будет. «Поняла» — не то слово. Каждую ночь это приходило во всей ужасающей ясности, и я всячески пыталась заглушить сознание неизбежности исчезновения. Со временем я научилась не допускать такой остроты переживания. Но появилось почти физическое ощущение текущего, уходящего через меня времени и какое-то судорожное стремление побольше узнать, успеть, схватить, поглотить, испытать, ни на чем не останавливаясь, в ущерб качеству и степени усвоения.

Моя подруга, когда мы говорили о Божием присутствии в нашей жизни, сказала мне, что первая ее ассоциация с именем Божиим возникла, когда она ребенком впервые вышла за ворота усадьбы и увидела простор горной степи в первый заморозок, с заиндевевшей травой и бескрайним небом. Она испытала тогда трепет и восторг перед красотой и непостижимостью мира. А у меня ничего подобного не было. Даже красота природы (когда мне все-таки удавалось оторваться от своих внутренних проблем и оглядеться) вызывала во мне очередной всплеск досады и отчаяния от сознания мимолетности, временности, эфемерности видения.

Моя система ценностей сложилась в известной среде. Маленький город. Все приличные, порядочные, уважаемые люди старались соответствовать «партийной линии». С детского сада и далее (школа, работа) смысл существования — соответствовать. Я уже тогда видела, чувствовала лицемерие этого «соответствования». Но ложь и лицемерие людей не отвратили меня от самой идеи коммунизма.

Мой папа был человеком, самозабвенно верующим в коммунизм. Вождей и руководителей он терпел, не позволял ни себе, ни другим их хаять, чтобы косвенно не осквернить святыню — идею «всеобщей справедливости». Здоровье, время, материальное благополучие и даже интересы семьи могли быть принесены (и приносились) в жертву этой идее.

Мы жили на рабочей окраине. Практически все соседи по дому, в квартале или пили, или дрались, или воровали, или все это вместе взятое. Все работали на пищевых предприятиях. Все замучены, задавлены условиями жизни, кто выживал, как мог, кто доживал, как придется. Мои родители были белыми воронами. Отец, конечно, для меня был главным положительным героем. Альтернативы, казалось, не существовало. Было ясно, что нужно жить ради светлой идеи, а не плыть бессмысленно по течению, постепенно опускаясь на дно.

Система-то ценностей сложилась, но она, по существу, была не моя. Я сама в нее не вписывалась. Сколько сил душевных я положила на то, чтобы проникнуться ею, усвоить! Самое сильное противоречие — служение народу как абстрактной категории, которое предполагало пренебрежение личностями отдельных людей. Они должны соответствовать или быть извержены. А кто-то спяну хаял «партийцев», кто-то крал конфеты на кондитерской фабрике, и меня угощали ими, нисколько не скрывая и не смущаясь, и т. п. Я должна была осудить этих людей и отвергнуть (если не заложить), но сделать это было невозможно. Я любила их, они были родные, живые, они были добры ко мне. Я знала, что не смогла бы застрелить врага народа, каким бы монстром он ни был... И много чего еще...

К 25 годам поле познания в родном городе было, хотя и кое-как, но перепахано. Не осталось ничего, к чему хотелось бы прикоснуться, во что хотелось бы вникнуть. Все — не то. Мой жадный (но не блестящий) ум и взор устремились за горизонты.

Я поступила в Ленинградский университет. Новая среда — новая пища. В Эрмитаже, в Русском музее поражали картины с библейскими сюжетами. Загадка, тайна. Можно ее разгадать, если прочесть книгу. Но тогда Библия была (мягко говоря) мало доступна. И суета жизни забивала желание прочесть. Учеба, общественная работа отнимали все время и силы.

После второго курса произошло странное событие. Закончив летнюю практику, все разъехались, а я задержалась, чтобы собрать материал для курсовой работы. Пришлось добираться домой самостоятельно. Из Харькова выехать было очень трудно. Три дня на переполненном вокзале (август, южное направление), без сна, еды, денег, неизменно первая у окошка кассы. Билетов не было: все поезда в Белоруссию — проходящие. И в какой-то момент ко мне вдруг подошел представительного вида мужчина средних лет и предложил билет в купейном вагоне до моей станции. Я так и не поняла, как он узнал обо мне, почему купил билет и как он его купил. Мы взяли мои вещи и сели в поезд. Это был баптист из Белоруссии, который ездил на Украину хоронить кого-то из своих иерархов. Он много рассказывал мне, как и чем живут баптисты, дал рекомендательные письма в молельные дома в моем городе и в Минске, что было очень смело по тем временам. Достал Библию. Я увидела Библию в первый раз, в первый раз в жизни держала ее в руках. Попробовала прочесть — ни слова не понимаю, как на чужом языке написано. Сейчас даже странно. Мой спутник прочел что-то из Откровения. Это были непонятные слова, за которыми стояла тайна. Особая тайна. А меня даже в детстве не увлекали таинственные сюжеты, приключения, фантастика. Они как-то не имели отношения ко мне. Он не подарил мне книгу, а мне этого хотелось, но сказал: «Кто очень хочет, тот найдет».

С нами в купе ехал полковник, который преподавал общественные дисциплины в военном училище. Решив, что меня «охмуряет» идеологический враг, он счел своим долгом отбить его. Они дискутировали долго, не помню, о чем. В памяти осталось только поразившее меня ощущение явного превосходства баптиста над образованным военным. Не в логике и эрудиции, а в том, как он держался, — уверенно, твердо и при этом уважительно и даже ласково. Полковник же горячился, допускал оскорбления и все время оказывался в тупике. Я впервые видела верующего, так сказать, «живьем». И он сильно поколебал мои представления. Я-то думала, что это люди невежественные, одурманенные, слепые, обиженные жизнью.

Однако опасение, что меня красиво и хитро пытаются уловить в сектантские сети, было. Письма я сожгла, не читая, хотя потом сильно жалела об этом. Нет, я не хотела быть верующей, просто там можно было достать Библию. Но, в конце концов, я и сама могу ее найти...

Тут случился очередной «облом». Я серьезно заболела, попала в больницу и два года была очень плотно занята спасением собственной жизни. После академического отпуска вернулась в университет. Начался курс научного атеизма, который читал очень интересный преподаватель. В результате — всеобщее увлечение Востоком: Будда, карма, колесо сансары, дзэн и т. п. Мне по-прежнему хотелось прочесть только Библию. Как эрзац пыталась читать околوبيблейскую, в основном атеистическую, литературу вроде «Забавной Библии», чтобы хоть оттуда выловить что-то. Но, кроме отвращения, эти книги ничего не вызывали — упоение собственной злобой.

И снова обстоятельства развернули меня к борьбе сначала за идею, потом за самую себя. Я ведь по-прежнему верой и правдой служила идее коммунизма. Даже какая-то карьера выстраивалась в этой струе. Но вот только вера и правда постоянно подводили меня. Часть товарищей, как позже выяснилось, считали меня стукачом-провокатором, так как я позволяла себе непозволительную самостоятельность и вольности, другая часть — придурком, которому пока везет. Так оно и вышло. В очередном припадке борьбы за справедливость я перегнула палку и только благодаря помощи хороших людей все же получила диплом. Обещанное место работы (после окончания университета) уплыло. Имея красный диплом, я, единственная на курсе, не получила распределения.

Друзья пристроили меня на научно-опытную станцию Ботанического института. И тут в случайном разговоре я упомянула Библию. Моя новая знакомая сказала, что у нее книга

осталась от бабушки, но сейчас ее кто-то читает. Я пошла в указанный дом. Девушка, которая читала Библию (и пригласившая меня к совместному чтению), была из «свидетелей Иеговы». Я общалась с ними более года. Наконец-то я могла читать Библию! Но вскоре радость узнавания померкла, наступала и давила обязательность практической деятельности, принятой у «свидетелей». Надо было креститься, брать на себя какие-то обязательства, проповедовать. Атмосфера почище, чем в парторганизации: сомнения осуждаются как тяжкий грех (а как их не иметь? Они есть — и все. Значит, делать вид, что их нет), ошибки, сбои караются, строгая иерархия (человеческая). Ответы на мои вопросы чаще всего ничего не объясняли, а иногда казались просто глупыми. Журналу надо было верить чуть ли не больше, чем Библии, так как в нем якобы печатаются люди из «святого остатка». А судя по уровню их опусов (хотя бы интеллектуальному), не Бог их устами говорит. Короче говоря, — несовместимость. Надо было уходить.

Тут мне стало страшно: уход от них был равносильно уходу от Библии, от Бога, о Котором я только-только услышала. Я еще сомневалась, верую ли. Много непонятного, гора сомнений. Библия «распухла» от закладок в неясных и смущающих местах. День — верю, день — нет. Но понятно стало одно — обратно я не хочу. Я хочу верить. Не верю, но хочу. Другая (т. е. прежняя) жизнь казалась невыносимой. Перспектива ее возвращения воспринималась как конец всему.

В это время православие даже не принималось мною во внимание. Все, что я знала о нем, было от «свидетелей Иеговы» и однозначно не годилось. Кроме того, был и личный, весьма негативный, опыт попыток посещения православной церкви. Но если я останусь одна, то кто мне ответит на все мои вопросы, разрешит сомнения, поддержит, поможет идти? В первый раз в жизни я молилась (не считаю общие молитвы со «свидетелями», во время которых я ощущала какую-то неловкость, недоразумение). Я просила, чтобы Он послал мне кого-нибудь, кто поможет выйти из тупика, кто пойдет вместе со мной. И Господь послал мне мужа. В тех обстоятельствах это было просто чудом. Муж не был христианином, но он искал, искал, как и я. Это было четыре года тому назад. Через год мы поняли, что мы — православные, а еще через год — что нам надо в церковь, потому что необходимо общение с единоверцами.

Архимандрит Августин (Никитин): Русская Православная миссия в Корее

Миссионерство и катехизация

Юбилей 1000-летия Крещения Руси (988–1988 гг.) стал действенным стимулом для изучения истории Русской Православной Церкви в ее различных аспектах. Одним из них была миссионерская деятельность, которую церковь вела в Сибири, на Дальнем Востоке и на Американском континенте. В 1970 г. Русская Православная Церковь предоставила независимое управление своим дочерним церквам — Американской (автокефалию) и Японской (автономию). Менее известна деятельность русских миссионеров в Корее, где и в настоящее время имеются православные общины. Знаменательно, что в юбилейном для Русской Православной Церкви году сотни тысяч людей из многих стран мира съехались в Корею, где смогли познакомиться и с жизнью православных корейцев, чьи предки были крещены благодаря деятельности Русской духовной миссии в этой стране.

Христианство появилось в Корее сравнительно поздно — в конце XVIII в. Как известно, в IV–VI вв. в Корею проник буддизм северного направления (махаяна), ставший к X в. государственной

идеологией. В эпоху позднего средневековья усилилось влияние конфуцианства, которое, в свою очередь, было объявлено государственной религией в XIV в. «Будда, Конфуций, шаман, обожание (обожествление — прим. автора) гор — все это смешалось и составило религию простого человека в Корее», — писал в начале нынешнего столетия русский писатель и публицист Н.Г. Гарин-Михайловский, совершивший путешествие в Корею в 1898 г. Русский исследователь вел долгие переговоры с местными жителями и даже кратко изложил систему их религиозных воззрений.

Есть сведения, что католические миссионеры побывали в Корее еще в XVII в. Но достоверно известно о том, что христианство проникло в Корею в 1784 г. Молодой кореец Сенг, много слышавший о христианской религии, проповедовавшейся в Китае европейскими миссионерами, решил познакомиться с ними. Вскоре случай помог юноше. Его отец был назначен одним из членов посольства, отправлявшегося в Китай, и ему было разрешено присоединиться к свите посольства. По прибытии в Пекин Сенг имел несколько встреч с католическими миссионерами, которые не только подробно ознакомили его с христианской религией, но и крестили его, назвав Петром, в надежде, что он будет первым камнем («петрос» — греч. — камень) в здании новосоздаваемой корейской Церкви. По возвращении из Пекина Петр Сенг познакомил своих друзей с христианским вероучением.

Вскоре вокруг него начали группироваться последователи христианства, которые и выступили в качестве первых проповедников Христова учения среди своих соотечественников. Появление новой религии не могло остаться незамеченным корейским обществом, ревниво охранявшим от каких-либо изменений религию и обычаи, унаследованные от предков. Христианство с самого начала своего появления в Корее встретило множество противников и, главным образом, в правительственных кругах, стремившихся остановить распространение нового учения.

Не прошло и года со времени возникновения первых проблесков христианства в Корее, как один из правительственных чиновников написал послание против христиан, в котором убеждал их отказаться от нового учения. По распоряжению правительства это послание было напечатано и широко опубликовано. Насколько известно, это был первый официальный акт, в котором упоминалось о существовании христианства в Корее, но, несмотря на такие строгие меры, направленные против христиан-корейцев, их число с каждым годом увеличивалось.

В 1789 г. христиане-корейцы решили создать у себя церковную иерархию и с этой целью обратились к католическому епископу, жившему в Пекине, с просьбой прислать им священников, присутствие которых в Корее было необходимо для жизни христианских общин. Но только через два года католический епископ в Китае смог отправить к христианам-корейцам молодого китайского священника Якова Цию. После долгих странствий и разных затруднений на корейской границе Цию лишь в начале 1795 г. удалось добраться до Сеула. Появление первого христианского священника в Корее было встречено христианами с радостью, но оно же послужило причиной новых гонений на корейских христиан. Главное обвинение, возводившееся на них, заключалось в том, что они якобы формируют тайное общество, разрушающее своим учением все основы государства, не признающее ни религии, ни обычаев предков.

Особенно тяжелым для корейских христиан был 1801 г. В это время в большинстве христианских семейств оставались в живых только престарелые женщины и дети, но и те подвергались различным гонениям. Миссионеры были вынуждены скрываться. Церковные службы совершались ночью, вполголоса, в бедной обстановке, причем нередко грубая скамейка с самодельным деревянным крестом над ней служила престолом, а убогая хижина — храмом.

С 1802 г. корейские христиане пользовались относительным спокойствием и, за исключением единичных случаев казней (в 1804–1805 гг.), массового преследования против них уже не осуществлялось. Число верующих опять стало постепенно возрастать, и за короткое время в Корее вновь образовались христианские общины.

В 1831 г. корейская церковная иерархия получила свое окончательное устройство. В этом году папа римский Григорий XVI учредил в Сеуле корейское апостольское викариатство, назначив первым корейским викарием епископа Брюгера, проповедовавшего в то время в Сиаме (Таиланд). Папой были посланы в Корею католические миссионеры. Но первому корейскому епископу не удалось проникнуть в Корею. После трехлетних странствований, ожидания и различных лишений епископ Брюгер скончался в 1834 г. в Маньчжурии на границе с Кореей почти накануне своего вступления в эту страну. На его место был назначен епископ Имбер, прибывший в Корею лишь в 1837 г.

С 1840-х годов гонения на корейских христиан возобновились с новой силой и особенно были жестокими в конце 1860-х годов. В 1866 г. была совершена казнь епископа Девелуи и многих миссионеров. Что касается простых христиан, то их больше не судили, как прежде, а по одному только доносу бросали в тюрьмы, где многие умирали от болезней и голодной смерти. С этого времени и вплоть до 1870 г. мученической смерти было предано свыше 12 тысяч корейцев-христиан. Немало также их погибло за это время от голода и лишений.

Только после 1870 г. для корейских христиан наступило более спокойное время. Правители постепенно прониклись веротерпимостью ко всем существовавшим в стране религиям. К концу прошлого века уже насчитывалось более 30 тысяч корейцев-католиков; в Сеуле было воздвигнуто два больших собора. Католические миссионеры устраивали здесь школы, семинарии, больницы. В 1880-х годах в Корею проникли и протестантские миссионеры различных направлений, но на первых порах их успехи были незначительны по сравнению с успехами католических миссионеров. На сегодняшний день картина иная: в Южной Корее христиане составляют около 20 процентов от общего числа приверженцев различных религий, причем 16 процентов из них составляют протестанты и лишь около 4-х — католики.

Православное вероучение первоначально стало распространяться среди тех корейцев, которые переселялись на дальневосточные земли России. Переселение корейцев в Уссурийский Край началось еще в 1864 г., но особенно увеличилось с 1869 г. в связи с сильным голодом в Корее. В 1869 г. всего за 3–4 месяца на русских землях, прилегающих к Китаю и Корее, обосновалось до трех тысяч корейских семейств. С тех пор корейцы продолжали переселяться в Россию почти непрерывно: на начало 1980-х годов в нашей стране насчитывалось более 370 тысяч корейцев, проживающих компактными группами на Дальнем Востоке, Сахалине, в Сибири, Казахстане, Средней Азии и на юге европейской части страны. Первые корейские поселения были основаны на берегах рек Тезинхе, Янчихе, на полуострове Новгородской бухты залива Петра Великого, около Посьета и в ряде других мест.

Принимая в свое подданство корейцев, русское правительство стремилось к тому, чтобы содействовать принятию корейцами Православия. На первых порах с миссионерской целью для выходцев из Кореи направлялись священники из Владивостока и Благовещенска⁴, а потом — члены Русской Камчатской миссии. Обращение корейцев в православие шло довольно успешно, и к концу 1870-х годов для корейцев были учреждены особые миссионерские станы, состоявшие из двух-трех сел с церквями, часовнями и школами. Таковы были, например, станы Корсаковский, Кроуновский, Синельниковский, Пуциловский, Янчиханский. К концу XIX в. в этих станах насчитывалось до 10 тысяч православных корейцев.

По отзыву одного из тогдашних русских миссионеров-священников, корейцы — «это народ в

высшей степени симпатичный: добрый, послушный, честный, трудолюбивый, доверчивый, очень привязанный к земледелию и хозяйству, страстно жаждущий учиться и учиться всему доброму». В это время из Кореи в Россию ежегодно переходило до 300 семейств, готовых принять «русскую веру». «Успешно идет распространение Православия среди корейцев, которые переселились из своей страны в нашу Приморскую область, — писал в 1903 г. русский исследователь П.Ю. Шмидт. — В южной части этой области было в 1899 г. уже 33 корейских деревни с населением в 14 247 душ обоого пола. Каждая корейская деревня, не жалея средств, старается устроить у себя русскую школу, и благодаря этому в 1900 г. в Приморской области имелось в корейских деревнях 18 школ с 597 учащимися. При посредстве школ распространяется и Православие, которое приняли также и многие из взрослых корейцев. Надо думать, что со временем Православие будет распространяться отсюда и в соседние северные области Кореи».

Кроме оседлых корейцев-земледельцев, переселившихся в Россию, на Дальнем Востоке также временно проживали и прибывшие сюда на заработки корейцы, работавшие грузчиками в морских портах, крупнейшим из которых был Владивосток. Вот как описывает Н.Г. Гарин-Михайловский корейцев, живших во Владивостоке в конце прошлого — начале нашего столетия: «Корейцы — противоположность китайцу: такой же костюм, но белый. Движения апатичны и спокойны: все это, окружающее, его не касается. Он курит маленькую трубку, или, вернее, держит во рту длинный, в аршин, чубучок с коротенькой трубочкой и степенно идет. Шляпы нет — на голове его пышная и затейливая прическа, кончающаяся на макушке, так же, как и модная дамская, пучком закрученных волос, продетых цветной булавкой. Лицо корейца широкое, желтое, скулы большие, выдающиеся; глаза маленькие, нос картофелькой; жидкая, очень жидкая, в несколько волосков, борода, такие же усы, почти полное отсутствие бакенбард. Выше среднего роста, широкоплечи, и в своих белых костюмах, с неспешными движениями и добродушным выражением, они очень напоминают тех типичных хохлов, которые попадают впервые в город: за сановитой важностью и видимым равнодушием прячут они свое смущение, а может быть, и страх».

Покинув бухту Владивостока, русский публицист вскоре сошел с парохода на корейский берег и 10 сентября 1898 г. он впервые встретился здесь с крещеными корейцами. В дальнейшем Н.Г. Гарин-Михайловский часто наблюдал тяжелые условия существования местных жителей. «Из рассказов выясняется несомненный факт, что русским корейцам живется гораздо лучше, чем их братьям в Корее, — сообщал автор. — Они говорят, что, если б не запрещались переселения, вся Северная Корея перешла бы в Россию... Но переход из Кореи строго запрещен, и всех таких переходящих, и корейцев, и китайцев, препровождают обратно. При этом корейское начальство ограничивается выговором и тут же отпускает их, а китайское тут же или сечет, или рубит головы. Поэтому китайцы такому обратному их выдворению противятся всеми средствами».

К концу XIX в. Корея обрела формальную независимость; по Симоносекскому договору 1895 г. Китай и Япония признали Корею в качестве самостоятельного государства. Но по-прежнему не прекращалась политическая борьба прокитайской и прояпонской группировок внутри страны; в 1896 г. корейская королевская чета вынуждена была покинуть престол: королева была убита, а король укрылся под защитой русского флота. 12 октября 1897 г. корейский король провозгласил себя императором. Такова была внутривнутриполитическая обстановка в стране, где предстояло действовать русским миссионерам.

По мере развития русско-корейских отношений постепенно возникла необходимость создания церковного представительства при Русской дипломатической миссии в Корее. В 1897 г. Синод Русской Православной Церкви принял решение об учреждении Русской духовной миссии в

Корее, в задачу которой входило бы попечение о русских православных христианах, пребывающих на Корейском полуострове, а также проповедь Православия среди местного нехристианского населения.

В состав миссии были назначены архимандрит Амвросий (Гудко), иеродиакон Николай (Алексеев) и псаломщик А. Красин. Но на первых порах в деятельности миссии встретились большие трудности. Дело в том, что в эти годы русское влияние в Корее стало уменьшаться, уступая место японскому. Поэтому посланная в 1897 г. в Корею православная миссия вынуждена была остаться в Уссурийском Крае до более благоприятного времени. Архимандрит Амвросий был отозван из состава миссии, псаломщик А. Красин перешел на государственную службу, и только иеродиакон Николай продолжал терпеливо ждать перемены к лучшему.

Наконец, в начале 1899 г. корейское правительство разрешило ему поселиться в Сеуле. Обосновавшись при Русской дипломатической миссии, иеродиакон Николай продолжал ожидать своих будущих соратников. Вскоре в Корею были отправлены выпускник Казанской духовной академии архимандрит Хрисанф (Шетковский), назначенный начальником миссии, и Иона Левченко — в качестве псаломщика. В середине февраля 1900 г. они прибыли в Сеул, и вскоре состоялось освящение домового церкви при дипломатическом посольстве. Так было положено основание Русской Православной миссии в Корее.

Собственного помещения новая миссия еще не имела, и русский посланник в Сеуле Павлов предоставил в ее распоряжение здание бывшего русско-корейского банка. О цели прибытия миссии было напечатано во всех корейских газетах. Вскоре некоторые жители Сеула и его окрестностей стали приходить к начальнику миссии с просьбой познакомить их с православным вероучением.

Самой большой трудностью для членов миссии было незнание корейского языка, но неожиданно для себя они получили помощь со стороны православных корейцев, ранее проживавших в Уссурийском Крае, а впоследствии переехавших в Сеул. Когда они узнали о прибытии в Корею членов Русской духовной миссии, все они, а их было около 15 человек, пришли к архимандриту Хрисанфу и предложили ему свои услуги в качестве переводчиков.

Члены миссии приступили к духовным беседам с корейцами, которые они поочередно вели через переводчиков. Многие корейцы, приезжая в Сеул по своим делам, часто — просто из любопытства, заходили в здание православной миссии. Познакомившись здесь с христианским вероучением, некоторые из них оставались в Сеуле на несколько недель, принимали крещение и затем отправлялись к себе домой в провинцию.

В октябре 1900 г. при Русской духовной миссии была открыта школа для корейских мальчиков. Правда, в ней училось первоначально всего 12 человек, и в следующем году их число не увеличилось. «В самые последние годы была учреждена в Сеуле и православная миссия, во главе которой стоит архимандрит Хрисанф. Он прибыл в Корею в 1900 г., и в конце этого же года была открыта в Сеуле православная миссионерская школа и начата постройка церкви. Православных корейцев, однако, пока еще немного», — писал П.Ю. Шмидт о начальном этапе истории русской миссии.

Но тем не менее число корейцев, принимавших Православие, постоянно росло. Скромные масштабы школьного просвещения в определенной степени восполнялись благодаря симпатиям корейцев к обрядам Православной Церкви. «Будучи воспитаны на конфуцианских книгах, предписывающих своим последователям исполнение всевозможных церемоний, — писал псаломщик миссии Иона Левченко, — большинство корейцев являются поборниками внешнего обрядового служения, в котором выражается та или иная религиозная идея. Все

наши православные обряды отличаются той именно драгоценной особенностью, что весьма наглядно выражают христианские истины, которые через эти обряды и легче воспринимаются, и глубже вкореняются в сознании. Вот почему и корейцы с таким вниманием наблюдают за всеми действиями священника во время богослужения, с детской любовью и почтительностью относятся к священным изображениям и предметам, с особенной тщательностью полагают на себя крестное знамение и вообще питают благорасположение ко всей обрядовой стороне нашего православного богослужения».

Сотрудники миссии придавали большое значение переводу вероучительных и богослужебных книг, но при этом возникли трудности, связанные с особенностью переложения церковнославянских текстов на корейский язык, поскольку добровольные переводчики не владели церковной терминологией. С большим трудом удалось перевести начальные молитвы, Символ веры и десять заповедей Моисеевых. Но вскоре переводческая деятельность миссии была значительно облегчена и сделалась более эффективной.

Этому способствовало то обстоятельство, что до конца XIX в. в Корее письменно-литературным языком был ханмун — корейизированный стиль китайского вэньяна. Хотя корейское фонетическое буквенно-слоговое (литературное) письмо было изобретено еще в 1444 г., но много веков официальным письмом в стране оставалось китайское, и лишь в 1894 г. было введено смешанное (иероглифо-буквенное) китайско-корейское письмо. Поэтому, зная о знакомстве корейцев с китайской письменностью, архимандрит Хрисанф обратился к русскому начальнику Пекинской Православной миссии с просьбой прислать китайские переводы вероучительных книг. Книги были пересланы из Пекина в Сеул, и с тех пор корейцы могли читать в китайских книгах то, что им до тех пор излагалось только устно через переводчика.

В 1900 г. для православных корейцев были переведены с китайского языка «Православное исповедание» св. Димитрия Ростовского, Часослов и «Чин крещения язычников». Корейцы, принимавшие Православие, нуждались также в ознакомлении с Библией. Помощь в этом деле пришла благодаря трудам находившейся в Корее протестантской миссии методистов. В 1900 г. ее сотрудниками был закончен перевод на корейский язык книг Священного Писания Нового Завета, а в 1902 г. — книг Ветхого Завета.

Первые шаги, предпринятые сотрудниками Русской духовной миссии, постепенно стали приносить плоды. Но слишком кратким было время пребывания ее сотрудников в Корее, и влияние католической и протестантских миссий в стране ощущалось в гораздо большей степени.

Тем не менее русско-корейские связи в те годы развивались успешно; корейцы видели в России гаранта государственной независимости. Об этом сообщал в своих записях Н.Г. Гарин-Михайловский, который во время пребывания в Корее посетил город И-Чжоу. В своем дневнике 18 октября 1898 г. русский публицист отмечал: «Корейцы по-прежнему любезны до бесконечности. Начальник города, кунжу, прислал к нам цуашу (предводителя дворянства) с вопросом, не надо ли нам чего... Любезность кунжу этим не ограничилась. Он первый сделал нам визит и на наше замечание, что он предупредил нас, сказал: «Имя русского в Корее священо. Слишком много для нас сделала Россия и слишком великодушна она, чтоб мы не ценили этого. Русский — самый дорогой наш гость. Мы между двумя открытыми пастями: с одной стороны Япония, с другой — Китай. Если нас ни та, ни другая пасти не проглатывают, то, конечно, благодаря только России».

Быть может, такого рода сообщения и побудили обер-прокурора Св. Синода Русской Православной Церкви К.П. Победоносцева написать в своем отчете за 1900 г.: «Успех Православной миссии в Корее ныне можно считать вполне обеспеченным».

Трудами о. Хрисанфа был воздвигнут первый в Корее православный храм. Еще в 1898 г. для миссии был приобретен земельный участок в районе Динг-Донг, расположенный недалеко от центра столицы. В 1901 г. приступили к строительным работам, а в 1902 г. территория миссии была полностью благоустроена. Были выстроены дом для миссионеров, колокольня, дом для переводчиков, здание школы с комнатами для преподавателей и подсобные помещения. Участок был огражден кирпичной стеной в корейском национальном стиле. В качестве храма было решено использовать на первых порах здание школы. В Москве специально по заказу миссии были отлиты колокола. 17 апреля 1903 г. состоялось торжественное освящение храма в честь святителя и чудотворца Николая. Корейской миссии большую поддержку оказал протоиерей Иоанн Кронштадтский, поддерживавший с о. Хрисанфом тесные связи. В знак своего благословения новому очагу Православия о. Иоанн прислал свое праздничное золотого цвета облачение, которое до сих пор хранится в Миссии как драгоценная реликвия.

Благодаря трудам о. Хрисанфа молодая православная община в Сеуле зажила полнокровной жизнью. За время миссионерской деятельности архимандрита Хрисанфа были крещены 14 корейцев; это только один пример плодотворной деятельности архимандрита Хрисанфа. Однако пребывание о. Хрисанфа в Корее оказалось недолгим. Когда началась русско-японская война, Корея подверглась японской оккупации, и все русские граждане были вынуждены покинуть ее пределы. С большой скорбью расстался с паствой и о. Хрисанф. В феврале 1904 г. вместе со своими сотрудниками он отбыл в Россию. Имущество миссии было описано и вверено на сохранение французскому посольству.

В России о. Хрисанф был рукоположен во епископа Елизаветградского, но его архипастырское служение длилось недолго — в 1906 г. он скончался от туберкулеза, прожив всего 37 лет. Однако труды о. Хрисанфа не пропали. Достойным продолжателем его дела стал архимандрит Павел (Ивановский). С четырьмя помощниками из России он энергично трудился на миссионерском поприще.

В отчете о деятельности Русской духовной миссии в Корее за 1902 г. сообщалось, что в школе для корейских православных мальчиков обучалось 10 человек, из которых 6 находились на полном содержании миссии. «Дети воспитываются в строго православном духе, — отмечалось в отчете, — они изучают Символ веры, заповеди, краткие рассказы из Священной истории Ветхого и Нового заветов. С корейским же учителем они проходят «Тысячесловие» (Чхён-чжа-мунь). Посещая неопустительно церковные службы, ученики поют на корейском языке «Верую», «Отче наш» и «Господи, помилуй», а на славянском языке принимают участие в прочих песнопениях литургии и всенощной».

И еще об одном интересном обстоятельстве сообщал в 1904 г. начальник Русской духовной миссии в Корее архимандрит Павел (Ивановский). По его словам, «протестантские миссии главный тормоз своей деятельности усматривают в почитании корейцами предков — в культе предков. Это понятно, потому что почитание родителей и предков у корейцев является краеугольным камнем общественной и религиозной жизни. Протестанты же не признают молитв за умерших. Другое дело — Православная церковь; ее высокохудожественный, умильный погребальный чин, служение сорокоустов, панихид, особые дни поминовения усопших — общие и частные — все это должно прийтись по сердцу корейцам. И вот, если отбросить недостойное и незаконное в корейском культе предков — поклонение духам, то все остальное послужит не помехой, а, наоборот, помощью в делах православной миссии».

В своей книге под названием «Корейцы-христиане» архимандрит Павел пишет: «Дай Боже, чтобы над Кореей скорее воссияло солнце Православия, воссияло уже светом невечереющим...». Но во время русско-японской войны 1904–1905 гг. деятельность миссии подверглась серьезным испытаниям. Ее сотрудники были высланы из Сеула японской военной

администрацией и нашли временный приют в Шанхае в отделении Пекинской Православной миссии. Новый период в истории русской миссии в Сеуле наступил после нормализации отношений между Россией и Японией. Начальник миссии — архимандрит Павел (Ивановский) за 6 лет своего пребывания в Корее широко развернул проповедническую деятельность и создал 5 миссионерских станов, 7 школ на 220 мест для корейских детей, а также ряд молитвенных домов. Ему удалось построить церковноприходскую школу даже во Владивостоке, где, как известно, с давних времен жили выходцы из Кореи.

Значительное внимание о. Павел уделял переводу богослужебных книг на корейский язык. Часть переводов была отпечатана в нескольких изданиях. Эти переводы давали возможность совершать все богослужения и требы для корейцев на их родном языке. Отцу Павлу удалось продолжить дело своего предшественника архимандрита Хрисанфа — перевод ряда богослужебных книг на корейский язык. Вместе с корейским переводчиком И. Каном они проделали большую работу, переведя молитвослов, часослов, паримийник, служебник, требник, избранные службы из Октоиха, Триоди и праздничной Минеи, а также краткую историю Ветхого и Нового заветов, катехизис, последование ко Святому Причащению и чин панихиды. Многие переведенные книги были вскоре отпечатаны в типографии; часть переводов так и осталась в рукописях. В свою очередь, рясофорный послушник Федор Перевалов с помощью М.Г. Кима положил на ноты многие песнопения на корейском языке, сохранив при этом основы русских церковных мелодий⁴.

В 1912 г. архимандрит Павел был отозван в Россию и возведен в сан епископа Никольско-Уссурийского, викария Владивостокской епархии. Но и на родине он не оставил попечения о корейской миссии, продолжая управлять ею из Владивостока и оставаясь фактическим начальником вплоть до самой кончины в 1919 г. Период руководства архимандрита Павла корейской миссией стал самым ярким во всей ее истории до начала Второй мировой войны. Главной сферой деятельности миссии этого времени была неустанная проповедь Православия местному населению, и результаты этой проповеди были плодотворными.

Со времени своего основания Русская духовная миссия в Корее находилась в подчинении митрополита Петербургского, а в 1908 г. перешла в ведение епископа Владивостокского. Это подчинение сохранялось и в период существования Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). С 1912 по 1930 гг. Миссию возглавляли: архимандрит Иринарх (Шемановский, 1912–1914 гг.), игумен Владимир (Скрижалин, 1914–1917 гг.), иеромонах Палладий (Селецкий, 1917 г.) и иеромонах Феодосий (Перевалов, 1917–1930 гг.). Хотя они и исполняли свои пастырские обязанности, но утрата связей с Россией значительно осложнила деятельность миссии. Так, при иеромонахе Палладии пришлось закрыть все школы из-за отсутствия средств на их содержание, а при иеромонахе Феодосии в связи с революционной обстановкой прекратилась высылка денег из России. Миссия оказалась в бедственном положении. Пришлось сдавать в аренду помещения и земельные участки. С этого времени аренда земли стала для Миссии единственным источником дохода на долгие годы. К счастью для работников Миссии, в их собственности имелось небольшое рисовое поле, что позволило им получать пропитание и часто спасало от голода. По этим и другим причинам деятельность миссии, столь активная при архимандрите Павле, пришла в упадок. Из миссионерских станов к 1930 г. уцелело только два — в городах Кёхе и Каругай. Их опекал священник Ким.

В 1930 г. управление Корейской Православной Миссией взял на себя архиепископ (впоследствии митрополит) Японский Сергей (Тихомиров, †1945 г.). С 1931 по 1935 гг. по его назначению в Сеуле нес миссионерское послушание священник А. Чистяков. За эти годы он окрестил 87 корейцев, что в трудных для миссии условиях было немало. В 1936 г. митрополит

Сергий направил в Сеул иеромонаха Поликарпа (Приймака, 1912–1989 гг.). Молодой энергичный пастырь в 1941 г. стал архимандритом и начальником Духовной миссии. Ему было поручено заниматься преимущественно церковно-приходской работой.

Деятельность о. Поликарпа распространялась на весь Корейский полуостров. Его паства проживала во многих городах, таких как Пхеньян, Хопучин, Кайсю, Каругай, Кёхе, Ресин и других — всего в семнадцати. В основном эти общины состояли из русских, корейцев же, по данным архимандрита Поликарпа, насчитывалось около 150 человек. По этой причине богослужения и проповеди совершались на церковнославянском и русском языках и только ектении — на корейском.

Архимандрит Поликарп окормлял православных верующих Корейского полуострова до середины 1949 г., когда его миссионерская деятельность была прервана незаконным арестом и высылкой за пределы Южной Кореи. После окончания второй мировой войны южнокорейские власти и американская оккупационная администрация в течение нескольких лет вели борьбу за овладение Русской Православной миссией в Сеуле, пытаясь вывести ее из-под юрисдикции Московской Патриархии. Не имея возможности сделать это каким-либо законным путем, власти Южной Кореи незаконно выслали из страны архимандрита Поликарпа, отказавшегося выйти из подчинения Московского Патриархата и передать Миссию в юрисдикцию митрополита Феофила (Пашковского, 1874–1950 гг.) — главы так называемого «американского раскола».

В середине декабря 1948 г. архимандрит Поликарп был арестован и находился в тюрьме Кемукван до конца года. Выйдя из тюрьмы, он жил подаванием, но, несмотря на это, принял все меры, чтобы вернуть Миссию через суд, так как имел для этого все законные основания. Однако 18 июня 1948 г. он был снова задержан. В отделении полиции архимандрита Поликарпа допросили и заявили, что поскольку стало известно о принятии его в советское гражданство, то он подлежит высылке по распоряжению южнокорейских властей. 29 июня в сопровождении полицейских архимандрита Поликарпа и его мать доставили к 38-й параллели и предложили идти. Через несколько часов они достигли северокорейского пограничного пункта, где их доставили к офицеру. Здесь архимандриту Поликарпу была оказана необходимая материальная и медицинская помощь. Так власти Южной Кореи незаконно изгнали главу Русской Православной миссии архимандрита Поликарпа, отказавшегося передать ее в юрисдикцию раскольничьего митрополита Феофила.

Американская митрополия недолго простирала свою власть над корейской миссией. Ее подчинение Японской епархии создало непреодолимые трудности. После второй мировой войны борьба за политическое влияние в Корее завершилась окончательным уходом японцев. Освободившись от многолетнего гнета, корейцы считали совершенно неприемлемой любую зависимость от Японии. Поэтому подчинение Японской епархии, даже формальное, стало для корейской миссии невозможным. Это и было причиной того, что съезд корейских православных христиан, состоявшийся 25 декабря 1955 г., принял решение присоединиться к Константинопольскому Патриархату в лице Греческой архиепископии в Америке.

С середины 1950-х годов основную тяжесть приходской деятельности в Сеуле нес священник-кореец Борис Мун, отдавший миссионерскому делу 21 год своей жизни. И только спустя два десятилетия православная миссия в Южной Корее активизировала свою деятельность благодаря трудам новых пастырей, прибывших сюда из Греции. 1970 г. стал важной вехой в жизни православных корейцев: решением патриарха Константинопольского Афинагора и синода Константинопольской Церкви была учреждена специальная митрополичья кафедра. Она объединяет под своим управлением православные приходы в Новой Зеландии, Индии, Корее, Японии, на Филиппинах, Сингапуре, Индонезии, Гонконге. В настоящее время

Корейская православная миссия находится под омофором митрополита Новозеландского Дионисия (Психас, р. 1916 г.).

В конце 1970 — начале 1980-х годов работниками православной миссии в Южной Корее являлись два священника: настоятель-грек архимандрит Сотирios (Трампас) и молодой клирик-кореец о. Даниил На. В их ведении находились три православных общины, расположенные в самых густонаселенных центрах страны: в Сеуле (8 млн жителей), Пусане (3 млн) и Инчхоне (1 млн). В миссионерском центре Сеула имеется храм в честь Успения Богородицы.

Главное направление работы православной миссии в Корее — евангельская проповедь среди корейцев-нехристиан. Эта задача осуществляется двумя путями — укреплением и подготовкой кадров, способных вести такую проповедь, и ее непосредственным проведением во всех тех местах, где она может быть услышана. Одним из основных препятствий для работы иностранных миссионеров в Корее по-прежнему является языковой барьер. За последнее время эта проблема успешно решается — кадры проповедников готовятся непосредственно из числа самих корейцев. Этой проблемой руководят о. Даниил На и секретарь Миссии Савва Ли.

Решен вопрос об издании религиозной литературы на корейском языке. Уже в течение ряда лет в Сеуле выходит еженедельник «Ио Бо». В Греции в синодальном издательстве при «Апостолики Диякония» христианин-кореец Николай Пак с конца 1970-х годов занимался переводом богословских книг на родной язык. В 1968 г. для маленьких православных корейцев было построено здание воскресной школы, которую посещает около 500 детей. В распоряжении молодежи имеется летний лагерь «Фавор», где юноши и девушки, а также дети проводят каникулы.

В конце 1970-х годов глава Православной миссии в Сеуле архимандрит Сотирios (Трампас) представил своему правящему архиерею — митрополиту Новозеландскому, экзарху Индии, Кореи и Японии Дионисию доклад о проделанной им двухлетней работе в период с 1977 по 1978 гг. Из представленного доклада видно, что Православная миссия обращала большое внимание на издательское дело. На корейском языке были изданы: Литургия св. Иоанна Златоуста, молитвенник, календарь праздников, толкование «Символа веры» и содержания молитв, краткие поучения о таинствах, а также катехизические издания для детей и молодежи. Особая забота была уделена проповеди и духовному окормлению прихожан. Наконец следует отметить и открытие в Сеуле храма святителя Николая, освящение которого 24 сентября 1978 г. совершил митрополит Новозеландский Дионисий.

1982 г. был отмечен двумя новыми событиями в жизни корейских христиан. Был освящен новый храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы во втором по величине городе страны — Пусане, а также начала работу духовная семинария в Сеуле; ее первыми воспитанниками стали 12 человек. Лучшие из них могут продолжать образование на богословском факультете Афинского университета.

Работа духовной семинарии в Сеуле проходит в тесном контакте с Ассоциацией православной молодежи Кореи. Активисты этой организации проводят тематические встречи, лекции, ведут работу с детьми. Одна из главных задач Ассоциации — проведение миссионерских рейдов в школах, институтах, домах престарелых, приютах и на предприятиях. Ассоциация православной молодежи Кореи является членом Международной молодежной православной организации Синдесмос. На проходящих каждые три года ассамблеях Синдесмоса молодые христиане из Южной Кореи имеют возможность встречаться не только с православной молодежью Запада, но и с представителями православных духовных школ из стран Восточной Европы и нашей страны.

Наряду с положительными моментами в жизни миссии, остается еще целый ряд нерешенных проблем. К ним можно отнести трудное финансовое положение, нехватка духовенства, из-за чего литургия регулярно совершается только в Сеуле, а в других приходах не чаще, чем раз в месяц, и многое другое. Миссия также занимается и социальной работой. Жизненный уровень многих православных христиан Южной Кореи относительно невысок. Поэтому при миссионерском центре функционируют «Общество любви к бедным» и «Касса стипендий для нуждающихся студентов». Основной бюджет Миссии складывается из добровольных взносов верующих, перечислений из фондов «Апостолики Диакония» и частных пожертвований через общество корейско-греческой дружбы.

В настоящее время труды епископа Зельского Сотирiosa, викария митр. Новозеландского Дионисия, разделяют священники из Греции и Америки. В разных местах страны служат православные корейцы: пять священников и один диакон. Православная Миссия регулярно организует богословские семинары. Один из таких семинаров проводился с января по апрель 1990 г. Был прочитан курс лекций по проблемам христианской жизни, ежедневно проводились теоретические и практические занятия. В семинаре участвовало много молодежи. По окончании его приняли крещение еще 16 корейцев. Миссионеры часто проповедуют в учебных заведениях, среди работающей молодежи. О популярности Православия в Корее говорит уже тот факт, что во время Олимпийских игр в Сеуле (1988 г.) на центральном стадионе была сооружена православная часовня.

Корейская Православная миссия поддерживает братские контакты с поместными православными и другими христианскими церквями. Весьма символично, что в 1990 г. верующие Кореи собрали 1,5 млн долларов для выпуска значительного тиража Библии на русском языке в рамках проекта гуманитарной помощи нашей стране. Можно предполагать, что определенная лепта в этой сумме принадлежит и православной общине.

В марте того же 1990 г., во время Всемирной конференции Всемирного Совета Церквей «Справедливость, мир и целостность творения», проходившей в Сеуле, Корейская Православная миссия гостеприимно встречала у себя представителей матери — Русской Православной Церкви, участников этой конференции; а в 1992-1993 учебном году в стенах Санкт-Петербургской духовной академии начали стажировку два православных студента из Южной Кореи — священник Иустин (Канг Те Янг) и чтец Владимир (Юнг Кил Ли).

Таков далеко не полный обзор современного положения Православной церкви в Корее, находящейся ныне в юрисдикции братского Константинопольского Патриархата, но своим возникновением обязанный самоотверженной и бескорыстной деятельности миссионеров Русской Православной Церкви.

Профессор В.И.Экземплярский: Миссия церкви и современное православное миссионерство

Миссионерство и катехизация

(к 600-летию преставления свт. Стефана Пермского)

Итоговый документ

С 9-го по 11 октября 1996 г. в Москве Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа провела по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, международную конференцию, посвященную христианской миссии и современным формам миссионерства. Актуальность затронутой темы подтверждается определениями Архиерейского собора Русской Православной Церкви 1994 г., который призвал «пастырей и чад Русской Православной Церкви выйти на новое поприще миссионерского служения».

В работе конференции приняли участие более 250 человек из 9 стран. На ней были представлены отделы Московской Патриархии: миссионерский, религиозного образования и катехизации, внешних церковных сношений, социального служения и благотворительности. Активно участвовали в конференции духовные и религиозные школы: Санкт-Петербургская духовная академия, Общедоступный православный университет прот. Александра Меня, Православный университет св. ап. Иоанна Богослова, Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, а также светские организации и образовательные учреждения.

На общее обсуждение было вынесено 23 доклада. В них рассматривался опыт православного миссионерства в России и за рубежом, а также инославных и межконфессиональных миссий. Темой, объединившей многие доклады, было осознание сущности миссии Церкви. Прежде всего это благовестие о Боге Истинном, спасающем мир во Христе, которое исходит из глубин Ее бытия. Внешней областью миссии является, по слову Спасителя, «весь мир» (Мк 16: 15), а внутренней — сердце каждого человека.

Наибольшее внимание привлекли к себе две проблемы, признанные важнейшими на сегодня и ставшие центральными: взаимоотношения с инославными и иноверцами в контексте миссионерства, а также вопрос о миссионерском приходе и в связи с ним о принципах жизни в христианской общине. Начав с обзора трудов Поместного Собора нашей церкви 1917–18 гг. по вопросам миссии, почти нереализованным по не зависящим от самой церкви причинам, конференция посвятила свое основное время сегодняшним проблемам миссии. Православной миссии предстоит продолжить всю свою 2000-летнюю традицию, прерванную в России коммунистической и атеистической революцией. При этом нынешняя ситуация требует определенной переориентации усилий на диалог с другими конфессиями и вероисповеданиями, при условии готовности к таковому с их стороны. Консервация или нагнетание конфликта ставит лишь дополнительные препоны православной миссии. В докладе Б.З. Фаликова, преподавателя Свято-Филаретовской высшей школы, отмечались трудности, возникающие при попытках диалога с представителями новых религиозных движений, вследствие их нередко встречающейся неспособности к критической саморефлексии с одной стороны, и частом желании традиционных конфессий, в частности, православных, видеть в первых не равноправных партнеров, а лишь безнадежно заблудших.

Вместе с тем, выступавшие говорили о поверхностности, а часто и агрессивности многих миссионеров, самочинно действующих в России, даже при искренности намерений некоторых из них. Было подчеркнуто, что компромисс в вопросах веры и нравственности несовместим с Духом Истины, Которого Господь дал нам (1 Ин 3:24).

Наиболее действенной формой свидетельства о спасении мира Господом некоторые докладчики (архимандрит Виктор (Мамонтов) и священник Георгий Кочетков) назвали жизнь христиан в приходе общинного характера, в современных условиях неизбежно приобретающего миссионерскую направленность. Его члены, сами собранные в небольшие общины, активно и последовательно собирают людей, ищущих пути к Богу и в Церковь, и свидетельствуют им словом и примером. Единодушно было признано, что разнообразие форм православной миссионерской работы — богатство церкви. Его нельзя унифицировать по

единому шаблону.

Приуроченная к 600-летию юбилею миссионерского служения свт. Стефана Пермского, просветителя зырян, конференция призвала современных миссионеров взять за образец всестороннюю подготовленность к служению нашего великого соотечественника. Среди его конкретных действий отмечалось написание миссионерских икон и последовательное приобщение уверовавших к храму, в том числе через перевод текстов Св. Писания и богослужения на их родной язык.

В современном российском обществе, невзирая на его очевидное обмирщение, явственно ощущается неудовлетворенная духовная жажда и насущная потребность того, чтобы в нем вновь в полный голос зазвучала Благая Весть.

«Новая ситуация заставляет пересмотреть некоторые установившиеся подходы и вернуться к Традиции (с большой буквы), подлинному Церковному Преданию. Надо заняться литургическим языком, сделать богослужение понятным и действенным и раскрыть Божественную литургию и евхаристию как совершение всей Церкви, как Ее центр и основание», — таков был заключительный вывод в докладе настоятеля кафедрального собора в Вашингтоне о. Димитрия Григорьева. Обнаруживаемая иногда разность взглядов и возникавшая полемика нисколько не мешали плодотворному и конструктивному поиску способов откликнуться на вызов нашего времени. Благодаря Господу за благодатный дух единства и обогащение опытом миссионерства, участники конференции засвидетельствовали свое искреннее желание продолжать святое дело православной миссии.

Миссия Церкви и современное православное миссионерство Сборник докладов Основные темы

- Святитель Стефан Пермский как миссионер- Опыт христианского неправославного миссионерства- Возрождение общинной жизни и миссия Церкви- Проблемы миссионерской территории- Специфика миссионерского служения в различных социальных и культурных группах Объем сборника - 80 стр

Павел Евдокимов: Всеобщее священство мирян в восточной традиции

Богословие и философия

В издательстве Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы готовится к печати книга Павла Евдокимова «Этапы духовной жизни». Глава из этой книги предлагается вниманию читателей.

Павел Евдокимов, известнейший на Западе православный религиозный писатель, родился в 1900 г. в Санкт-Петербурге. После октябрьского переворота и гражданской войны навсегда покинул Россию, жил в Константинополе, затем в Париже, где и умер в 1970 г.

Павел Евдокимов — один из первых студентов, а впоследствии и преподаватель Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, доктор философии и богословия.

Вот что пишет в предисловии к французскому изданию книги его ученик, профессор Оливье Клеман: «Этапы духовной жизни» — возможно, главный труд Павла Евдокимова, способный по-настоящему взволновать ищущего читателя, повернуть к Богу сомневающееся сердце. Здесь Евдокимов достигает вершины мастерства. В перспективе тревог и поиска современного Запада он показывает самое устойчивое и плодотворное в православной духовности, можно сказать, самую ее суть. Он описывает Запад как неутолимый поиск и дающее иллюзию посвящения сошествие во ад: и именно там он показывает Христа — Победителя ада, Его животворящий кенозис, Его жизнь, излившуюся из смерти...»

Греческий перевод еврейских текстов Ветхого Завета употребляет слово *laikos*, лаик (мирянин), по отношению к вещам, а не к людям. Например, «путь...», «земля...» (1 Цар 21: 4), хлеб... (*bebhlos* в Септуагинте, *laices panes* в Вульгате) суть вещи «профанные» (несвященные), т. е. не пригодные к употреблению в храмовом богослужении (1 Цар 21: 5-6, Иез 48: 15).

Первый христианский текст, употребляющий слово «лаик», — это так называемое Послание к коринфянам св. Климента Римского (около 95 г.). В нем говорится о поведении народа согласно «правилам лаиков (мирян)». Начиная еще с III в., с Тертуллиана и св. Киприана, в северной Африке термин «лаик» входит в употребление наряду со словом «клирик». Вот уже в зародыше та правовая интерпретация, которая противопоставляет «лаика» «клирику». Наконец, у бл. Иеронима (начало V в.) мы находим не определение, но констатацию факта, причем явно пренебрежительную: отделенные, в противоположность клиру, от святынь, лаики суть те, кто занят делами мира сего, кто женится, торгует, возделывает землю, воюет и ведет тяжбы в суде.

Хотя само слово «лаик» в Библии редко и неясно, в ней, тем не менее, содержится самое полное и ясное понятие о *laos`e*, народе Божиим. Наряду с функциональным священством, священнической кастой левитов, Писание утверждает всеобщее Священство народа Божия в целом. Со времени дарования Закона Моисею Господь говорит: «Вы будете у Меня царством священников (*mamleket kohanim*) и народом святым» (Исх 19: 6). В греческом тексте это переведено как *basileion ierateuma*, царское священство, то есть «народ священников», служащих Царю Небесному. В Новом Завете апостол Петр вновь употребляет это выражение: «Вы народ избранный, царское священство» (1 Пет 2: 9). Отделенный и собранный некогда в Иерусалимском Храме, теперь народ Божий приобщен к *acta et passa Christi in carne*¹. Народ, собранный в Церковь, перестает жить пророчествами, но входит в самую реальность полученных им откровений; отныне он собран во Христе и участвует в Его единых Священстве и Царстве. Христос всех христиан «соделал царством и священниками, и они будут царствовать на земле» (Откр 5: 10).

Идея народа профанного, непосвященного не находит себе места в Библии, она в ней просто немыслима. Писание постоянно и неуклонно учит о священном и священническом характере каждого члена народа.

Первые тревожные признаки появляются уже в конце IV в. — это ядовитый плод константиновской эпохи.

Сами миряне принижают присущее им достоинство Царственного Священства и потому епископы неизбежно все больше и больше становятся средоточием священного, священнического, «посвященного». Дистанция увеличивается прогрессирующим охлаждением, оскудением лаиката, его страшным отказом от даров Духа Святого. Это настоящее «отпадение лаиков», предательство ими своей священнической природы. Два полюса *laos`a*, народа Божия, — христианский царь, который защищает Церковь и именуется «епископом внешним» и «вселенским диаконом» (титул византийских императоров), и монах, жизнь которого целиком

посвящена духовному деланию, — еще сохраняют харизматическое достоинство лаиков, но то, что находится между этими двумя полюсами, падает в пустоту, на этот раз действительно профанную; большинство, хотя и крещеное, отождествляется с вещами мира сего, возвращается к ветхозаветному смыслу слова «laic», который прилагался к вещам, и таким образом само становится одной из профанных вещей мира сего. В состоянии такого стремительного упадка и появляются пренебрежительные названия: *biwticoi* и *anieroi*, т. е. живущие в миру, чуждые вещам священным и святым. Отсюда и негативное определение лаичества: laik (мирянин) — это тот, кто способен только лишь на пассивное восприятие (рецепцию), ему нечего делать в Церкви (кроме денежного пожертвования), поскольку у него нет еkkлeзиoлoгичeскoй функции, нет служения, нет харизмы...

Однако в Послании к Диогнету (начало III в.) говорится: «Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; для них всякое отечество есть чужбина, и всякая чужбина — отечество. Находятся на земле, но суть граждане неба». Этот текст лишь развивает учение апостола Павла: верные, лаики — сограждане святым и свои Богу, они не имеют отечества на земле. Очевидно головокружительное падение этого достоинства «святых» (призванных к святости) до профанного состояния тех, кто занят лишь делами мира сего. Это крайняя профанация святыни.

Но даже в этих условиях упадка истинное Предание остается неизменным; мы находим его в догматах, в сакраментальном и литургическом сознании, в богатом и ясно выраженном учении отцов Церкви.

Всеобщее священство никак не противопоставляется священству клира. Однако это священство не является и производным от laikата, представительством конгрегационалистского типа¹. Церковь, в соответствии с божественным замыслом, начиная с установления коллегии Двенадцати, получила иерархическое устройство. Народ дифференцирован Богом по «священническому принципу» посредством харизматических служений. Епископат избран из народа, взят от его священнической плоти и крови, но он не составляет особой структуры над ним, поскольку он есть органическая часть Тела, онтологического единства всех членов. Но его установление — божественное, он существует через преемство от апостолов. Всякий кандидат поставлен Богом: «Я избрал и утвердил вас» (Ин 15: 16). Священное право совершать таинства и, прежде всего, быть апостолическим свидетелем Евхаристии, право утверждать вероучительные определения — *charisma veritatis certum* — принадлежит епископату в силу апостолическости Церкви; также и пастырская харизма вести Тело, Царство Священников, к Парусии во славе. У живого образа Христа, епископа, единственно истинная власть — любовь, единственно истинная сила убеждения — мученичество. Как прекрасно сказано: «Мы не учителя вашей веры, мы рабы вашей радости».

Суть восточной традиции хорошо просматривается, это ни анти-иерархический эгалитаризм, ни клерикалистский разрыв единого Тела надвое, но священническое участие всех в единственном божественном Священстве посредством двух священств. Каждое утверждено Богом, и это Божественное происхождение изымает их из мира и из всякой профанной перспективы.

Что сконцентрировано в Одном, во Христе, единственном Священнике, то развернуто в Его Теле: Священник направляется к Царству и ко всеобщему Священству священников. Пасха и Парусия еще не совпали, и поэтому сосуществуют два священства: без смешения, но и без разделения или какого бы то ни было противопоставления: за различием харизм и служений ясно виден единый Христос.

Так, Предание никогда не говорит расплывчато, но всегда ясно утверждает равенство природы:

прежде всего все равны как члены народа Божия. Через «второе рождение» — крещение — все уже священники, и именно вследствие этого глубинного равенства в священстве становится возможной и функциональная дифференциация харизм. Это совсем не новое «посвящение», но поставление на новое служение того, кто уже был посвящен, уже изменен в своей природе, уже раз и навсегда получил свою священническую сущность.

Таинство миропомазания (конфирмация на Западе) утверждает всех крещаемых в одной и одинаковой для всех священнической природе иереев. Из этого полного равенства некоторые избраны, взяты и утверждены божественным действием в качестве епископов и пресвитеров¹. Именно эти функциональные отличия служений преодолевают какое бы то ни было онтологическое различие природ и делают невозможным разрыв между клиром и laikами. Вальсамон, канонист XII в., приводит существовавшее мнение, будто посвящение в сан епископа включает полное отпущение грехов, — такое представление делает из него «второе крещение», которое, таким образом, изменяет природу. Однако подобная практика никогда не была принята Преданием, поскольку тут утверждалась бы разность природ между епископами и остальными верными. Возможность низложения священника в мирянина с разрешением супружества показывает прямо противоположное: в этом случае клирик слагает функциональное служение и остается священником всеобщего Священства, ни до, ни после с ним не происходит никакого онтологического изменения. Это положение очевидно подтверждается сосуществованием двух традиций, каждая из которых по-своему отражает понимание «отцовства в Боге». Одна восходит к св. Игнатию Антиохийскому¹, для которого епископ есть отец по своей литургической функции: водою и Духом он восстанавливает сыновство Богу². Другая восходит к «отцам-пустынникам». Эти великие носители Духа — миряне, харизмы которых не функциональные, но личные. *Pneumaticos pater*, духовный отец, — это теодидакт, наученный Богом и ведомый Духом. Простые монахи, они для всех были «духовными отцами».

Таким образом, если епископ участвует в Священстве Христа своим служением священника, то всякий мирянин делает то же самое своим бытием: он участвует в едином Священстве Христа своим освященным существом, своей священнической природой. В силу этого достоинства — быть священником по самой своей природе — всякий крещеный запечатлен дарами, помазан Духом в самой своей сущности. Надо особо подчеркнуть сущность, онтологию, священническую природу всякого верного. Каждый мирянин — священник своего бытия, он приносит в жертву всю целостность своей жизни и самого себя.

Подтверждением тому служит значительное соответствие между «посвящением» верных (крещение и миропомазание) и рукоположением священников. Действительно, молитва восьмого дня после крещения упоминает «возложение руки Божией», которое утверждает крещаемого в «достоинстве высокого и небесного призвания». Белый цвет крещальных одежд есть цвет священства в обоих Заветах; понятно, что из практических соображений его сохранил только клир. Обряд пострижения выражает всецелое посвящение на служение в Церкви; то есть все, как клирики, так и миряне, отделены как Божьи святые, все посвящены. Согласно древней традиции, ребенка мужского пола проводят вокруг престола, что соответствует достоинству священника всеобщего священства. Ипполит Римский¹ пишет, что крещеный получает целование мира подобно епископу, как тот, кто признан достойным своего нового состояния — *degnus effectus est*. По поводу «белого камня», на котором «написанное новое имя» (Откр 2: 17), Ипполит утверждает, что это то имя, которое произносится на Евхаристии, оно есть символ принятия в Царство, имя новой твари, члена Царского Священства. Удивительное литургическое средство этих обрядов с рукоположением клира особо подчеркивает священническое достоинство всякого крещеного.

Посвящение (три великих таинства верных) вводит всех и каждого в *iera diakosmhsis*, порядок или священную иерархию Народа, различаемого только по функциональным служениям.

Это совершенное равенство всех членов Церкви отвечает глубоко однородному характеру православной духовности. Так же, как не существует никакого разделения Церкви на учащую и учащуюся, но Церковь в своей целостности учит Церковь, так и Евангелие обращается ко всем и к каждому во всей полноте своего учения. Молитва, пост, чтение Писания, аскетическая дисциплина относятся в равной степени к любому, поэтому laikat, строго говоря, образует сословие внутреннего монашества. Его мудрость заключается главным образом в том, чтобы, живя в мире (и возможно — именно по причине этого призвания), перенять у монахов их эсхатологический максимализм, их радостное и нетерпеливое ожидание Парусии.

Как пример внутреннего монашества, общего для всех, можно упомянуть старую традицию, видевшую во времени между помолвкой (обручением) и свадьбой соответствие периоду послушничества у монахов, служащее для подготовки к супружеству как к Священству. Согласно восточному обряду таинства венчания, венцы не снимались со вступающих в брак в течение семи дней, и только после этого священник давал благословение на завершение этого времени воздержания супругов. Также и в старой России бывало, что после венчания в приходской церкви новобрачные отправлялись прямо в монастырь, где некоторое время приобщались монашеской жизни, дабы лучше понять свое новое супружеское призвание, супружеское Священство.

Николай Кавасила, крупнейший литургист XIV в., мирянин, озаглавил свой трактат о таинствах «Жизнь во Христе Иисусе»; Иоанн Кронштадтский, священник, почитаемый как святой, в начале XX в. описывает в книге *Моя жизнь во Христе* свой евхаристический опыт; это показывает, что истинная родина православной души есть Церковь литургических таинств. Николай Кавасила даже перефразирует текст «Деяний»: «Ибо Таинствами мы живем, движемся и существуем».

Таинство миропомазания есть таинство всеобщего Священства. На возрожденного в крещении человека сходит Святой Дух, дабы сообщить ему дар дел веры. Миропомазание есть таинство силы, вооружающее нас как «солдат и атлетов Христовых», чтобы мы принесли «свидетельство без сомнения и слабости», исполнили апостолат благодатной любви. Св. Кирилл Иерусалимский говорит катехуменам: «Дух Святой вооружает вас для борьбы... Он позаботится о вас как о собственном солдате», и «вы будьте стойки против всякой противной силы»¹. Всякий мирянин — прежде всего воин.

Восточная традиция запечатления всех частей тела миропомазанием символизирует языки пламени Пятидесятницы. Оно сопровождается сакраментальной формулой: «Печать дара Духа Святого», то есть во всем своем существе всякий мирянин запечатлен дарами и является существом всецело харизматическим.

Молитва, стоящая в сердце таинства, раскрывает назначение этих даров: «Да благоугодит Тебе всяким делом и всяким словом». Это посвящение всей жизни служению laikata, служению — в основе своей церковному.

Всеохватывающий, абсолютный характер посвящения выявляется в обряде пострижения, идентичном обряду принятия в монашеский чин. Молитва обращается: «Благослови раба Твоего, пришедшего принести Тебе как начатки пострижение волос головы своей». Символический смысл здесь ясен: это принесение всей своей жизни в дар.

Эсхатологический акцент молитвы усиливает этот смысл: «Да прославит Тебя во все дни

жизни своей и да видит блага Иерусалима». Так, всякое мгновение открывается в его эсхатологическое измерение, все дела и слова служат Царю. Принимая пострижение, всякий мирянин становится монахом внутреннего монашества, послушного всем абсолютным требованиям Евангелия.

На эпиклезу таинства, на испрашивание Духа Святого, Отец Небесный отвечает Его ниспосланием, облакает крещеного во Христа, делает его «хриstopодобным». В молитве над св. миром епископ просит: «О Боже, отметь их (будущих помазанных «христов») печатью чистого мира; да носят они в сердцах своих Христа, дабы быть им троической обителью»¹. Здесь отчетливо выявляется трицентризм Православия, которое особенно подчеркивает троическое равенство: человек, запечатленный Духом, стал хриstopоносцем, дабы быть обителью Св. Троицы.

Выбор определенного чтения из Писания для конкретного богослужения есть уже толкование. По совершении таинства миропомазания читаются последние стихи Евангелия от Матфея: «Итак, идите, научите все народы» (Мф 28: 19). Тем самым повеление Господа адресуется каждому миропомазанному христианину, всякому мирянину. Для того, чтобы он мог его исполнить, в таинстве ему подается благодать: «Он должен проповедовать другим то, что сам получил в крещении». Наравне с поставленными миссионерами, всякий миропомазанный есть своего рода «муж апостольский». Он призван к непрестанному свидетельству всеми запечатленными в нем дарами, всей своей жизнью.

Идея бездействующего народа очевидно противоречит святоотеческой эkkлeзиологии: всеобщее Священство верных принимает участие в трех властях: управлении, учительстве и освящении.

На первом апостольском соборе в Иерусалиме были представлены все составляющие части Церкви: «Апостолы, пресвитеры и братья». Фраза: «Изволилось Духу Святому и нам» (Деян 15: 28) становится сакраментальной формулой вселенских соборов, и это «мы» есть соборное «мы» Тела в Его полноте. Собор составляют епископы, но они заключают в себе все Тело, и их верховная власть осуществляется лишь на уровне тайны всеобщего согласия; епископы действуют *ex consensu ecclesiae* — с согласия Церкви (ср. Деян 15: 25). Об этом прекрасно сказано в догматическом послании восточных патриархов 1848 г.: «У нас нововведения не могли быть приняты ни патриархами, ни соборами; ибо у нас защита² веры возложена на все Тело Церкви, то есть на сам народ, который хочет сохранить неповрежденной свою веру»³. Миряне — не судьи (*kriaths*) веры, утверждение вероучительных определений есть чисто епископская харизма; но миряне суть ее защитники. «Щит» веры — это вся Церковь в своей целостности, и поэтому способность отличать ложь от правды, «испытывать и свидетельствовать» (1 Фес 5: 19–21) дана всем. Более того — такая защита есть святой долг каждого мирянина. Эта роль известна по арианскому кризису IV в., и позже — в XV в., но особенно — в XVI–XVIII вв. на юго-западе России, когда православные братства спасли чистоту веры и составили настоящий оплот Истины при полном бессилии епископата. В том случае, если собрание епископов оказывается бессильным, согласие всеобщего Священства призывает созвать такое собрание епископов, которое было бы освящено Духом Святым.

В богослужении такие моменты как, возглас народа «аксиос!» (достоин!) во время епископского рукоположения или *amen final*, можно уподобить священной подписи Тела в его целостности под всяким актом Церкви. Во время литургии каждый верный со-предстоит с епископом; народ активно участвует в евхаристической анафоре, в эпиклезе всегда употребляется множественное число; священник возглашает от лица всех: «Молим Тебя», а затем он, подобно апостолам, становится свидетелем совершившегося чуда. Общение Духа соединяет предстоятеля и собрание в одно целое, оно отвечает смыслу слова литургия, что

значит общее дело.

В области учительства — и это специфическая черта Православия — учителя богословия чаще всего — миряне. Служение слова как правило связано с харизмой «начальствования», но епископ может передать избранным мирянам, как имеющим харизму всеобщего Священства, власть учить и проповедовать. В сакрализованном обществе Византии император имел власть созывать соборы, и слово императора воспринималось на них как норма. Хорошо известны замечательные гомилии Николая Кавасилы, мирянина и великого литургиста XIV в. Можно привести также имя Кирилла Филейского, который, имея жену и являясь отцом семейства, был ревностным исихастом. И сегодня в Греческой Церкви миряне посылаются Синодом на апостольское служение, они учат и проповедуют в церквах, и так проявляется их харизма священства. «Мирскими» делами епархии управляют советы и консистории. Епископ — духовный отец, пастырь и литург. Если случается, как например в современной Греции, что государство главенствует над материальной организацией Церкви, то Государство, в принципе, представляет здесь христианский народ.

В области освящения монашеское сословие совершенно независимо от всякого посвящения¹. Духовная власть старцев не связана со священством. «Духоносцы», подвижники, монахи или миряне, живущие в миру, и те, кого народ называет «человеками Божиими», и «юродивые Христа ради» имеют огромный духовный авторитет, народ признает их как духовников; простые монахи часто были духовными отцами епископов и патриархов. Это чисто харизматическое служение, так же как и служение клириков, никогда в Церкви не прекратится.

Миряне формируют такую духовную среду, которая является одновременно и миром, и Церковью. У них нет власти предоставлять средства благодати — это сакраментальная власть клира; напротив, их область — «жизнь по благодати», «состояние благодати». Простым присутствием в мире своих «освященных», «священников» в самой их сущности, «троических обителей», всеобщее священство лаиков сохраняет силу космического освящения, космической литургии: за стенами храма миряне продолжают литургию Церкви, своим активным присутствием они вносят пережитую ими истину догматов в общество и человеческие отношения и низлагают таким образом бесовские и оскверняющие начала мира.

Помимо активного участия в трех аспектах власти Церкви, отцы подчеркивают тройное достоинство мирян в ней самой. Преп. Макарий Египетский говорит: «Христианство не есть что-то посредственное, это великая тайна. Размышляй о своем собственном достоинстве... В миропомазании все становятся царями, священниками и пророками небесных тайн».

Царственное достоинство имеет аскетическую природу; это главенство духовного над материальным, над инстинктами и космическими ритмами плоти, освобождение от всякой обусловленности, идущей от мира. Св. Икумений говорит: «Мы — цари господством над нашими страстями», а св. Григорий Нисский утверждает: «Душа являет свою царственность в свободном обладании своими желаниями, что присуще лишь царю, ибо властвовать надо всем есть свойство царской природы».

Царское достоинство является таким образом «как» существования, это присущее царю свойство владычествовать, быть хозяином и господином. Его «что», его содержание, заключается в священническом достоинстве. Апостол Павел призывает предать тела наши в «жертву живую», что есть «духовное служение» (Рим 12: 1); сделать из нашего существа и его бытия служение, литургию, славословие. Ориген замечательно объясняет это: «Все те, кто приняли миропомазание, стали священниками... если я люблю братьев моих так, что жизнь положу за них, и сражаюсь за истину до смерти, ...если мир распят для меня и я для мира, то я

приношу жертву и стал священником своего бытия».

В том же смысле св. Григорий Назианзин обобщает: «Мы священники через принесение в жертву духовную самих себя».

Чтобы дать определение пророческого достоинства, св. Икумений соединяет все достоинства: «Цари — как господствующие над своими страстями, священники — через заклание наших тел, пророки — как наученные великим тайнам».

Св. Феофилакт добавляет: «Пророк — ибо видит то, чего не увидел глаз». Согласно Писанию, пророк — это тот, кто внимателен к «промыслу Божию» в мире, тот, кто чувствует провиденциальный ход Истории под взглядом Бога. Евсевий Кесарийский в своем Евангельском свидетельстве пишет: «Мы воскуряем пророческое благоволение во всяком месте и посвящаем Ему благоуханный плод практического богословия». Вот прекрасное определение лаиката: всем своим существом, во всем своем бытии стать таким богословием — живым, теофаничным, сияющим местом Присутствия, Парусии Бога.

Обозревая святоотеческую традицию, можно в общих чертах обрисовать некий «тип» мирянина. Это человек прежде всего молитвенный, существо литургическое: человек Sanctus`а1 и Трисвятого, он может кратко описать свою жизнь словами псалма: «Пою Богу моему доколе есмь». Авва Антоний рассказывает о человеке большой святости, который в миру был врачом; все излишки он раздавал бедным и весь день пел Трисвятое, соединяясь с хором ангелов. Это заставляет вспомнить о том типе святых, которых называют анагуге, «бессребреники»; для такого человека медицина есть форма священства, т. е. он занимается ею как священник. Напоминает он и «добротного врача» Камю, но такого, каким он должен видеть его теперь.

Сейчас в коммунистических странах жизнь Церкви, как никогда, сведена только к богослужению, и это тяжелое обстоятельство рождает мощнейший призыв вновь собраться вокруг единого на потребу. Совсем недавно русский епископат призвал мирян, за отсутствием регулярной богослужебной жизни, самим стать храмом, продолжать литургию в своей жизни, саму жизнь сделать литургией, показать людям, не имеющим веры, литургическое лицо, улыбку... В трагических условиях крайнего подавления Церковь учит прежде всего, как молиться, как участвовать в борьбе безмолвным свидетельством, как «внимать безмолвию Слова», дабы сделать его более могущественным, чем любое скомпрометировавшее себя слово.

Согласно древнему преданию, св. Михаил Архангел полагает на алтарь Всевышнего «огненных агнцев», то есть души мучеников. Их свидетельство совсем не зрелищно. Священник мира, мирянин, различает духи и говорит «нет» всякому бесовскому действию. Другие, те, кто «под алтарем» (Откр 6: 10), кричат: «Доколе, Владыка...» Церковь может взять все богатства человеческой культуры, дабы создать сияющую икону Царства Божия, но она может также быть обнажена вплоть до мученичества и «нагая следовать за нагим Христом...»

Во время Литургии епископ собирает воедино молитву и дары верных и, предлагая это приношение Отцу, возглашает епиклезу от лица всех. Подобно этому и присутствие мирянина в мире есть постоянная епиклеза, она освящает каждую частицу мира, содействует тому миротворчеству, о котором говорит Евангелие, жаждет литургического «целования мира». По примеру прошений Церкви в ектениях, его молитва распространяется на наступающий день, на землю и плоды, на труды всякого человека. В бескрайнем соборе, каким является Божий мир, человек, священник своей жизни, будь он рабочий или ученый, делает из всего человеческого приношение, хвалу, славословие.

Мирянин есть очевидец Воскресения Христова — таково литургическое учение и смысл богослужения Пасхальной ночи. Литургическое таинство превосходит одно воспоминание, оно «вновь представляет» событие, становится самим Пришествием. Христос Воскресший является перед народом, что сообщает каждому верному апостольское достоинство свидетеля Воскресения.

Поэтому мирянин и есть своего рода «муж апостольский»¹. Согласно великим подвижникам, он тот, кто отвечает на призыв, которым оканчивается Евангелие от Марка: тот, кто наступает на змей, исцеляет всякий недуг, движет горы и воскрешает мертвых, если на то есть воля Божья. Да доведет он свое дело до конца и воплотит свою веру в жизнь.

Состояние сосредоточенного безмолвия, смирения, но насквозь пронизанное страстной нежностью, — именно об этом говорили св. Исаак, св. Иоанн Лествичник: надо любить Бога, как любят невесту, и быть влюбленным во все творение Божие, дабы раскрыть во всякой вещи замысел Божий. Согласно Мерло-Понти, «человек приговорен к смыслу»², мы бы сказали — призван воплощать свою веру на деле: видеть то, что не видно, созерцать мудрость Божию в кажущейся абсурдности Истории, становиться светом, откровением, пророчеством.

Восхищенный существованием Бога, тем, что «мир полон Троицы», мирянин также немного безумен тем безумием, о котором говорит апостол Павел; только непостижимый юмор «безумных Христа ради» способен разбить давящую серьезность бесчисленных доктринеров.

Мирянин — это также человек, которого вера освобождает от «великого страха XX века» — страха бомбы, рака, коммунизма, смерти; чья вера есть всегда особый способ любить мир, способ крайний — следовать за своим Господом до сошествия во ад. Очевидно, что не из богословской системы, но, быть может, единственно из глубин ада может родиться и утвердиться сияющая, радостная надежда.

Христианство в величии своих исповедников и мучеников, в достоинстве всякого верующего имеет мессианский характер, оно революционно и взрывоопасно. В царстве Кесаря нам заповедано искать и находить то, что в нем не находится: Царство Божие. Это повеление означает, что мы должны изменить образ мира, его лицо, которое должно быть преображено в икону Царства. Изменить мир — значит перейти от того, чем мир пока не располагает — и потому он еще мир сей, — к тому, во что он преображается и тем самым становится чем-то иным: Царством.

Главное слово евангельской проповеди призывает к христианской силе, которой только и берется Царство Божие. Говоря об Иоанне Крестителе, Господь указывает на силу: Иоанн — не только свидетель Царства, он уже то место, где мир побежден и где Царство присутствует. Он не просто глас вопиющего, но Его голос. Друг Жениха — тот, кто умалывается, чтобы Другой, божественный Человеколюбец, возрастал и явился. Быть настоящим мирянином — значит быть тем, кто всей своей жизнью, всем, что в нем есть, возвещает Грядущего; быть тем, кто, по слову св. Григория Нисского, полон «трезвенного опьянения», кто говорит всякому встречному: «Приди и пей», тем, кто повторяет вместе со св. Иоанном Лествичником эту крылатую в своей легкости фразу: «Любовь Твоя ранила мою душу, и сердце мое не может вынести Твоего пламени; итак, спешу, воспевая Тебя...»¹.

Евангелие рассказывает о сильных, берущих Царство. Один из верных признаков его приближения — единство христианского мира. В этом ожидании окончательного исполнения надежда, великая христианская надежда, обретает жизнь. Молитва всех Церквей возносится, чтобы составить вселенскую эпиклезу, призвать Духа Святого в надежде на его сошествие, на возможное чудо единства. Таково наше горячее желание, наша горячая молитва. Участь мира

зависит от ответа Отца, но ответ этот, в свою очередь, зависит от нашей прозрачной искренности, от чистоты нашего сердца.

Иисус Христос в полноте дара Самого Себя явил совершенное священство. Образ всякого совершенства, Он есть единственный верховный Епископ, Он есть также единственный высший Мирянин. Потому Его священническая молитва объединяет желание всех святых: славить Св. Троицу единым сердцем и единой душой, собрать всех людей вокруг единой и единственной Чаши.

Божественное человеколюбие ждет нас, чтобы разделить эту радость, которая есть уже радость не только этого мира; она открывает Пир Царства.

Перевод с французского М. Иорданской и С. Зайденберга

Сергей Аверинцев: Стилистические проблемы библейского перевода

Библеистика

Доклад прочитан на международной конференции «Русские переводы Священного Писания», организованной Славянским Библейским фондом РАН и Синодальной библиотекой Московской Патриархии (10–13 июля 1996 г., Москва).

Множественность переводов Священного Писания — это реальность нашего времени, с которой мы должны жить, с которой мы уже живем. Отказ принимать ее не имеет смысла. Но, принимая ее, согласимся, что жить с ней не так просто. И она, как другие составляющие нашей усложняющейся жизни, превращается для нас и наших современников в испытание и искушение. Популярный у нас английский религиозный писатель К.С. Льюис, который отнюдь не был ни фундаменталистом, ни обскурантом, заметил как-то: «Чем больше Библию переводят, тем меньше ее знают». Чтобы понять позицию Льюиса целиком, надо, конечно, учесть, что он, как знает каждый читатель «Мира Библии» № 2, защищал идею современных библейских переводов и не отказался в конце жизни от участия в комиссии, занимавшейся именно подготовкой таковых, так что его отношение к вопросу никоим образом не сводилось к негативизму. Но его пессимистическое замечание стоит того, чтобы над ним задуматься. Когда перевод единственен, простой верующий, не являющийся ни профессиональным филологом, ни профессиональным богословом, чувствует себя просто читающим Библию, вообще не думая о переводе; когда переводов много, это чувство волей-неволей уходит. Защищая практику новых переводов, мы ссылаемся — и правильно делаем, — на нужды наших одичалых современников, которые так же нуждаются в спасении души, как и носители старой религиозной культуры; но как раз мысль об этих нуждах обязывает нас учесть и проблемы тех же современников, затрудняющихся понять, как же нынче, скажем, цитировать-то Священное Писание (все равно, в разговоре с другим или с самим же собой).

Это налагает на переводчика Священного Писания особенно строгую ответственность. Нам приходится быть осторожными с ломкой особенно утвердившихся, привычных, вошедших в язык библейских формул. Это не значит, что при наличии очень серьезных мотивов от привычной передачи нельзя отойти. Но «ломка стереотипов» не может становиться для переводчика Слова Божия самоцелью.

В ответственность переводчика входит, между прочим, отказ от постановки неисполнимых,

утопических задач. Перевод, самый продуманный, самый взвешенный, самый удавшийся, может все равно только то, что может перевод. По обе стороны от спектра возможностей, доступных переводу, лежат задачи, подлежащие решению другими средствами. По одну сторону — точка полного приближения к лексическим привычкам самого неподготовленного читателя, даже несовершеннолетнего. Это — совершенно законная задача, но задача не для перевода, а для парафразы, которая по соображениям простой честности — перед тем же самым читателем — и не должна выдавать себя за перевод. На другом полюсе — передача тех особенностей библейского текста, которые неразрывно связаны с лексическими возможностями греческого и тем паче еврейского или арамейского языка. Крайний пример утопичности — программа очень интересного перевода Андре Шураки, ориентированного на передачу этимологических истоков каждого слова (вплоть до перевода «милостивый» как »matriciel»). Но даже если мы отвлечемся от этимологии и обратимся к семасиологии самой по себе — да, для читателя Библии чрезвычайно интересны и полезны размышления, почему, например, в начале псалма 62 (63) — привычное »Боже, Боже мой» славянского перевода, «Боже! Ты Бог мой» Синодального перевода — существительное «Бог» выражено двумя различными лексическими вариантами (**hta yla ,yhla**), какие смысловые глубины этим выражены; но что делать — по-русски есть только одно существительное «Бог». Тот же Шураки просто транслитерирует «Элохим» и не только «Эль», но даже «Эли»; но ведь это — уже не совсем перевод. Можно размышлять, почему в заповеди о почитании отца и матери (Исх 20: 12) «земля», на которой продлятся дни исполняющего заповедь, — не **/ra**, а **hmda**, то самое слово, которое связано с рассказом о сотворении Адама и с самим его именем; но опять-таки по-русски мы имеем только одно существительное «земля».

Это не значит, разумеется, будто наши обязанности перед самыми «наивными» недоумениями читателя принадлежат непременно к одному измерению, а лингвистико-эксегетические тонкости — к другому. Вот два примера: один из Ветхого Завета, другой — из Нового. Пример первый: в псалмах 35 (36): 6 и 56 (57): 11 верующий читает или слышит в храме одну и ту же формулу: «милость Твоя до небес, истина Твоя до облаков»; »до небес велика милость Твоя и до облаков истина Твоя». Если задуматься, непонятно, как Божья «истина» может простираться от земли только до облаков; а в заоблачных, собственно «небесных» высотах, что же, нет истины, или это уже не Божья истина? Ведь слово «истина» в нашем языке — это, как мы говорим, объективная истина предмета или лица самих по себе. Божья истина очевидным образом вездесуща, как Бог, а занебесные, «пренебесные» выси даже особенно символически подходят, чтобы быть местом ее присутствия. Таков казус, порождаемый очень почтенным по возрасту, восходящим к Септуагинте и Вульгате обыкновением во всех контекстах передавать **tma** как **ʔl»qeia**, *veritas*, истина. Но вот какие значения дает авторитетный словарь *Lexicon in Veteris Testamenti libros* ed. L. Koehler, Leiden E.J. Brill, 1985: 1. *Festigkeit, Zuverlaessigkeit firmness, trustworthiness*; 2. *Bestaendigkeit stability*; 3. *Treue faithfulness*; и лишь 4. *Wahrheit truth*. Современные переводчики, начиная с Бубера и Розенцвейга, включая «Иерусалимскую Библию», все чаще переводят означенное слово как «верность». Тогда все становится понятным. «Верность» Бога — это не космологическая или транскосмическая, гносеологическая или даже онтологическая «истина», а Его верность «завету» с людьми, и тогда очень естественно назвать пределом этой верности облака, которые до изобретения авиации и межпланетных ракет были наглядной границей человеческого мира. Весь человеческий мир до предела наполнен верностью Бога! Второй пример из Нагорной проповеди: Мф 5: 17. Синодальный перевод дает «не нарушить пришел Я, но исполнить». «Исполнить» или «нарушить» закон можно поведением. Но Иисус обсуждает здесь не Свое поведение, а Свою «керигму». Детский вопрос: что в этом контексте означает «Я пришел, чтобы исполнить» — что личное поведение Господа есть пример, как образцово точно исполнить закон? Конечно, с христианской точки зрения это было бы верно (а с фарисейской — не совсем); но ведь в контексте Нагорной проповеди говорится не об этом. Проповедь не

может ни «нарушить», ни «исполнить» Закон, а «отменить» или «восполнить» его. Безобразовский перевод заменяет «нарушить» на «упразднить», перевод Кузнецовой — на «отменить»; оба оставляют «исполнить» в неприкосновенности. Но Bible de Jerusalem дает соответственно abolir и accomplir. Правда, остается затруднение, связанное с тем, то глагол **plhrosai** употребляется у Лк 24: 44 однозначно в смысле «исполниться» (применительно к исполнению Ветхого Завета в Страстях и Воскресении Христа). Но ведь там и контекст — другой, и автор — другой. В Новом Завете есть тексты Павлова корпуса (например, Флп 2: 2) и особенно Иоаннова корпуса (Ин 3: 29, 15: 11, 16: 24, 17: 13; 1 Ин 1: 4; 2 Ин 12), где глагол этот употребляется очевидным образом не в значении «исполнить» (как реальность исполняет должностное или желательное), но в значении «сделать полным» (радость). Что касается места из Нагорной проповеди, авторитетные экзегеты (например, Joachim Jeremias, Neutestam. Theologie, I. Teil, 4. Aufl., Guetersloh, 1988, S. 87–89) сопоставляют его с одним талмудическим текстом (b. Sab. 116b):

ana la temiphat in orajeta demosa atet

ella le osope al orajeta demosa atet.

В соответствии с этим текстом **katalasai** соответствует арамейскому *miphat* «убавить», а **plhrosai** — арамейскому *osope*. Такое же понимание прослеживается для иудеохристианских Псевдоклиментин (Recognitiones i, 39, 1): «Ut autem tempus adesse coepit, quo id quod deesse Moysei institutis diximus impleretur».

Горячо, даже не без запальчивости обсуждаемый вопрос — должны ли наши современники читать Священное Писание на каком-то особом, «сакральном», «возвышенном» языке, удерживаемом на равномерной дистанции от прозы будней, или на столь же равномерно «современном» языке, в каждой точке приближенном к привычкам читателя, ничем его не удивляющем, «раскованном» и гладком, — правильно ли он ставится? Ведь как его ни решай, самая его постановка предполагает при обоих решениях стилистическую и семантическую однородность текста. Между тем, не говоря уже о Ветхом Завете, объединяющем прозаические и поэтические произведения различных эпох и жанров, не говоря даже о целом каноне Нового Завета, в пределах одного единственного Евангелия от Луки, мало того, с первой же его страницы, мы находим резкий контраст между прологом (1: 1–4), построенным по греческим школьным правилам, и немедленно за ним следующим (начиная с 1: 5) повествованием о родителях Иоанна Крестителя, выдержанным в угловато-семитизирующем стиле Септуагинты (**‘Егълнето™ n тај №мльрай` Нрыdou basilъwј**, ср. Ис Нав 1: 1 — **ка€™ geneto met! tsn teleutsn MwusБ**, Суд 1: 1 — **ка€™ geneto met! tsn teleutsn ‘Ihsoa**, Рифь 1: 1 — **ка€™ geneto™ n тц kr...nein тоЭј крит;ј2 Цар 1: 1 — ка€™ geneto met! тХ ўпоqane<n SaoЭl**, Есф 1: 1s — **ка€™ geneto [...]™ n тај №мльрай ‘Artaxъrxou &c.; poreuTmenoi™ n pJsaј taј™ ntolaj ка€ dikaimasin toa Kur...ou** ср. Иез 36: 27 †na™ n toј dikaimas...n mou poreЂesfe).

Этот контраст — пример особенно яркий, но отнюдь не единственный. Не получаем ли мы ответа на вопрос о нужности или ненужности особого «библейского» тона и колорита для наших переводов? Когда евангелисту не нужны «библейзмы», он обходится без них; когда они ему нужны, он их решительно вводит. Можно сказать, что начало Евангелия от Луки дает нам в особенно отчетливом виде парадигму движения между полюсами миссионерской «аккомодации» к светской культуре — и введения читателя в особый мир, отсылки его к некоей сложившейся традиции. Обращение учителя к ученику перед уроком — и затем начало самого урока: голос звучит по-другому, диалогическую открытость сменяет сосредоточенность на предмете. Мы не должны думать просто о разных интонациях, разных «стилистических ключах»; это религиозная педагогика евангелиста, то снимающая у читателя чувство дистанции, то восстанавливающая это чувство. Если мы откажемся либо от первого (как

Синодальный перевод), либо от второго (как модернизирующие переводы), мы погрешим против интенции евангелиста. Боюсь, что мы погрешим против интенции Самого Иисуса. Когда Он предлагает в притчах сугубо конкретные, сугубо прозаические и мирские образы повседневной жизни, образы эти должны быть осязаемо житейскими, возможно более наглядными. Скажем, действие, обозначаемое в Мф 7: 6 словами **bale<n toЭj margar...taj**, называется на нашем языке «рассыпать жемчужины»; именно такой оборот дает нужную наглядность и нужную иронию, т. е. соответствует цели евангельского выражения, его функции. Равным образом, «разводное свидетельство» в Мф 5: 31 сразу же дает читателю почувствовать, что речь идет о понятии юридическом, и постольку оно заведомо лучше, чем «разводное письмо» Синодального перевода. Но когда Христос употребляет слова, которые уже в Его время были, так сказать, «библейскими», ибо отсылали к текстам Ветхого Завета или, еще чаще, к специальному словарю эсхатологических чаяний, отказ от их стилистического обособления приведет не к большей, а к меньшей понятности. Скажем, формула **taБtV tH Nэмльgv** при переводе типа «в тот день» будет вызывать легкое недоумение — в какой, собственно? Стилистическое выделение формул, которые уже тогда указывали на особый, никак не житейский смысл, оправдано не эстетическими, еще того менее эстетскими соображениями, но императивом смысловой артикуляции — и, по моему убеждению, императивом ориентации читателя. Слово, отсылающее к Ветхому Завету или к эсхатологическим понятиям, есть знак и знамение. Но даже простой дорожный знак своей схематизированной формой отчетливо выделен из среды окружающих предметов и обращает на себя внимание; и это человеколюбиво по отношению к пользующимся дорогой.

«Современный русский язык» — словосочетание, смысл которого далеко не так прост, самоочевиден и однозначен, как может показаться на первый взгляд. Оно довольно часто употребляется для обозначения расхожего языка, исключаящего решительно все, что звучит «архаично». Употребление такого языка создает иллюзию, будто среда, в которой происходит действие, — современность; мало того, современность, вполне равная себе, исключаящая все унаследованное от прежних времен, т. е. современность как абсолютная идея современности, как чистая «безотцовщина». В таком смысле «несовременен» даже перевод Кузнецовой, поскольку, например, «дела такие дивные Его руками творятся» (Мк 6:3)— необычное выражение для современной речи. «Дивные дела» — не современная идиома. В таком смысле можно назвать современными разве что выражения из «Слова жизни» вроде «не физические наследники являются...» для Рим 9: 9. Конечно, не так трудно потребовать ограничения «современности» языка, разумно исключив из него слова так называемой международной лексики вроде вышеназванного «физический». И ни один безумец, кажется, не предлагает допускать в библейских переводах арготизмы; употребление последних поминается разве что в речах ярых противников новых переводов с целью окарикатурить саму идею. Но если вычесть из современного языка в том суженном смысле, о котором идет речь, арготизмы и международную лексику, что останется? Но у словосочетания «современная лексика» есть другой смысл: все слова, все обороты, хотя бы и не привычные современному человеку, но сразу ему понятные и не вызывающие недоразумений.

Сторонники языка, исключаящего всякое переживание исторической дистанции, резервируют интерес к этой дистанции для академической науки, предлагая вере переживать евангельские события всецело как современные любому поколению верующих, а переводческой работе — помогать в этом вере (ср., например: Sandra Schneiders. Church and Biblical Scholarship in Dialogue. «Theology Today», 42). В некотором смысле с этим нельзя не согласиться. Однако необходимы два уточняющие дополнения. Во-первых, для христианства, в отличие от многих других религий, историческое время доктринально важно: хронологическая дата — «при Понте Пилате» — включена в Символ Веры. Во-вторых, современность — это не только реальность; это также идеология современности. «Надо же быть современным». Льюис, уже

мною цитированный, называл это хронологическим провинциализмом. Христос приходит к верующему в реальность современности; но боюсь, что Он не придет в изоляционистское идеологическое пространство, не желающее знать ничего, кроме себя.

Возьмем такое заведомо несовременное, немислимое в разговорной речи слово, как глагол «прелюбодействовать». В значениях метафорических интеллигентская речь еще терпит такое слово; в прямом своем значении оно способно вызвать у наших современников разве что шок и нервический смех. Однако глагол этот, как бы мы к нему ни относились, является термином библейского «нравственного богословия», и заменить его нечем; современного эквивалента для передачи такого понятия не существует, и не существует именно потому, почему для современной психологии так трудно принять смысл библейского запрета. Это не вопрос истории языка, это именно вопрос общественной психологии. Кузнецова заменяет названный глагол оборотом «нарушать супружескую верность» — характерная замена идеи чистоты более понятной идеей соблюдения прав партнера; но это заставляет ее переводить Мф 5: 32 Цј™ an ѳpolelumъhn gam»sV, moic©tai — «тот, кто женится на разведенной, нарушает супружескую верность», что, увы, просто лишено всякого логического смысла. Неженатый человек, который женится на разведенной, не нарушает верности никому (кроме Бога).

В Евангелии от Марка 2: 5 мы читаем, что Иисус обращается к парализованному: тьknon. Как это перевести «современно»? Ведь Иисусу, согласно Лк 3: 23, было жse€™ ton trijkonta, согласно Ин 8: 57, Ему говорили: pent»konta ъth оБрw ъсеij. Следовательно, все сколько-нибудь «стариковские» обращения вроде употребленного Кузнецовой «сын» нежелательны прежде всего не по соображениям стилистического благообразия, но по смыслу: ведь нигде не сказано, что парализованный по возрасту — ребенок, а только на поколение старший может в любой стилистической системе сказать собеседнику «сын». Находящийся в возрасте за 30 может обратиться так только к ребенку. Абсолютно очевидно, что обращение выражает не возрастное, а духовное, иерархическое старшинство. Смысл требует строго «этикетного» слова; любое другое слово будет звучать фальшиво, сентиментально, неуместно. Очевидно также, что современного «этикетного» слова для этого понятия нет. Приходится выбирать между «чадо» Синодального перевода и «сын мой», — но последнее отдает цитатой из переводного романа, где действует католическое духовное лицо.

Доступность библейского перевода — требование одновременно законное и проблематичное. Господь, о Котором говорят Евангелия, настолько доступен, что садится за стол таких людей, с которыми избегал общения уважающий себя иудей, и Он настолько недоступен, что Магдалина слышит от Воскресшего: «Не прикасайся ко Мне» (Ин 20: 17). Христианскому читателю Писания велено входить тесными вратами, идти узким путем (Мф 7: 13–14): переводчик имеет не только право, но и обязанность заботливо убрать с узкого пути каждый лишний, случайно оказавшийся там камешек, но он не может превратить узкий путь в широкий. Евангелия изображают реакцию слушателей Христовых слов: «Никогда человек не говорил так, как Этот Человек» (Ин 7: 46); и еще: «Трудно слово это [Синодальный перевод: какие странные слова!], кто может его слушать?» «SkлhrTj™ stin P ITgoj обtoj, t...j dЪnatai aЩtoa ѳkoЪein» (Ио 6: 60). Мы обязаны сделать все, чтобы Слово не было неопределенно невразумительным. Но мы не можем сделать, чтобы оно перестало быть трудным. <o:p></o:p>

Валерий Любартович: Только христианство дает нам право выбора

История церкви

Беседа преподавателей Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы О.Ю. Васильевой и А.М. Копировского о русской церковной истории XX века

А. Копировский. Ольга Юрьевна, я всегда с большой отрадой вспоминаю конференцию в Петербурге, где мы с Вами познакомились. И особенно обратный путь, когда мы — не могу сказать «случайно» — оказались в одном купе и полночи проговорили. Результатом стало то, что Вы пришли преподавать к нам в Школу. Теперь снова хочется с Вами побеседовать, в этот раз имея в виду и читателей нашего журнала. Нам хочется сделать его еще более диалогичным. Уже прошел период «выплескивания» материала, накопившегося за много лет. Мы бы хотели диалога и с нашими оппонентами, но почему бы нам сначала диалог не развивать внутри себя? Есть круг вопросов, которые волнуют и студентов нашей Школы, и преподавателей, и тех, кто будет студентом или общается со студентами — наших прихожан, наше братство.

Сейчас, как Вы знаете, всплыло слово «обновленчество», причем с приставкой «нео-». Пытаются обвинить, в частности, и наше братство в том, что мы проводники этих «неообновленческих» влияний в церкви, что мы будто бы пытаемся возродить то, что самой церковью было резко отвергнуто и осуждено. Мне кажется, здесь — передержки, и даже передергивания. Наши обвинители каким-то непонятным образом не учитывают подлинную историю обновленчества. Как Вы считаете, возможно ли термин «неообновленчество» применять к современной ситуации?

О. Васильева. Я поняла Ваш вопрос. Мне сразу же хочется сказать, что идеи обновления церкви, как Вы знаете, витали с начала XX в. Это факт, который нельзя отрицать. И многие известные в то время богословы занимались этим вопросами. Шли кулуарные обсуждения на собраниях и т. д. И я соглашусь с совершенно справедливым высказыванием Д.В. Поспеловского, что обновленцы прошли в общем-то очень большой путь. Та метаморфоза, которая с ними произошла, — от идеи обновления церкви до агентов ГПУ — описана в его книге «Русская православная церковь в XX веке». Но когда Дмитрий Владимирович это писал, то у него еще не было того пакета документов, который был в руках у нас. И я совершенно справедливо буду утверждать, отдавая отчет своим словам, что тот обновленческий раскол, о котором столько говорится, раскол 1922–1923 гг., от начала до конца был инспирирован государством. Это раскол, который нужен был государству. Он провоцировался с определенными целями, и ставка делалась на конкретных людей, в том числе и на Александра Введенского, хотя он и пытался отказаться плясать под дудку государства. Ведь «живая церковь» — это чисто государственное образование, и об этом совершенно четко сказано в докладе Е.А. Тучкова Комиссии по вопросам отделения церкви от государства РКП(б) в 1922 г.: «За 5 месяцев мы сделали то, что могли и, в частности, создали группу «живая церковь». Этот документ вошел в подготовленный Институтом российской истории сборник, который так и называется «Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917 — 1941». Уникальность этого сборника в том, что он включает ранее неизвестные документы и большой архивный фотографический материал. 1922 г. — это совершенно другая эпоха.

А. К. Стало быть, говорить сейчас о «неообновленчестве» нельзя. Ведь вряд ли воскресло обновленчество. Или оно в каком-то смысле воскресло?

О. В. Я думаю, нет. Вопрос о «неообновленчестве», относящийся к 1922 г., на сегодняшний день не имеет под собой никакой почвы, даже политической. А то, что касается современных разговоров о «неообновленчестве», я думаю, это сознательный уход от реальных событий нашей жизни¹.

А. К. После знаменитой Декларации митрополита Сергия появились люди, его не поминающие. Так продолжалось до 1945 г., до избрания патриарха Алексия. Я помню слова епископа

Афанасия (Сахарова), что люди, не поминавшие патриарха Сергия, который отождествлялся у них с этой Декларацией, постановили патриарха Алексия помянуть как «патриарха нашего». Таким образом, катакомбная церковь в большей части завершила свое существование. И здесь возникает сразу два вопроса. Насколько осмысленно, канонично, логично было существование катакомбной церкви после 1945 г.? И что есть катакомбная церковь, насколько она была внутрицерковным движением? Не примешалась ли и здесь рука государства?

О. В. Рука государства примешалась практически ко всем деяниям церкви, это однозначно. Работа, связанная с уничтожением РПЦ, проводилась по такому четкому плану, которого не было ни в одной государственной структуре. Только с десятилетиями эта работа менялась. Я историк, поэтому высказывать какие-то субъективные мнения без опоры на документы мне было бы просто непростительно. Существует очень интересный документ, датированный 1931 г. — ходатайство о награждении Е.А. Тучкова, того самого знаменитого Тучкова, начальника VI отделения СО (секретного отдела) ОГПУ2, орденом Красного Знамени, где дается его подробная характеристика. Там, в частности, указываются его заслуги по внедрению агентов в организацию «катакомбная церковь» на юге и юго-востоке страны. То есть ему в заслугу вменяется именно работа по насаждению агентурных связей и инспирирование этой организации. Этот документ полностью тоже опубликован в вышеупомянутом сборнике. Я его раньше цитировала в своих статьях.

А. К. То есть государство насаждало и обновленческую, и катакомбную церковь?

О. В. Говорить о том, что государство только насаждало катакомбную церковь, пожалуй, не стоит. Оно конкретно занималось всем. В секретной папке Сталина существуют документы, относящиеся к 1948 г., и там предложено в кратчайший срок разобраться по Воронежской области, даже приводится конкретное число катакомбных верующих. То есть были люди, которые действительно «уходили в катакомбы». Но государству катакомбная церковь была выгодна как очередная работа по уничтожению РПЦ. Только до 1925 г. было внедрено огромное число возможных агентурных «братств», организаций православного толка. Отделом Е.А. Тучкова было проведено 25 таких агентурных разработок, которые были внедрены по всей стране, включая регионы и все крупные города.

А. К. В 1948 г. отмечалось 500-летие автокефалии РПЦ. В 1448 г. Русская православная церковь перестала быть митрополией Константинопольского патриархата: полная самостоятельность при избрании своего предстоятеля — митрополита из русских, а затем, уже в XVI веке, и своего патриарха. Правда ли, что есть сведения о попытке Сталина использовать 500-летие автокефалии РПЦ в государственных целях и как это происходило?

О. В. Меня всегда поражает, что уже много лет, где бы я ни выступала, задают такой вопрос — правда ли? Мы об этом пишем и говорим уже многие годы. Сейчас я занимаюсь вопросами внешней политики РПЦ в 1943–1948 гг. Эта тема моей работы в настоящее время. Документы, которые я изучаю, свидетельствуют о том, что это, конечно же, правда. Это был тот самый, как мы привыкли говорить, «новый курс», который якобы начался со встречи И.В. Сталина с митрополитами в Кремле и который пошел дальше. В советской публицистике проскальзывал даже такой термин — «сталинское возрождение». Это все имеет под собой очень глубокие корни. Почему 1943 г.? Говорить о том, что Сталин не замечал, что делает митрополит Сергий с начала войны, — это полный абсурд. Он все это прекрасно замечал, все знал, тем более, что с первого дня войны были обращения к нему по поводу открытия храмов, по поводу внесения пожертвований в фонд обороны. В частности, митрополит Алексий 26 июня 1941 г. обратился к Сталину с сообщением, что Ленинградская епархия вносит большую сумму в фонд помощи Красному Кресту, но не был услышан. Все это было. Правда, не каждый замечал, что церковь приобретает большую реальную силу, особенно в оккупированных районах страны. Среди

двадцати с лишним обращений митрополита Сергия было, в частности, очень серьезное обращение 1942 г., адресованное людям, оставшимся на оккупированных территориях, в котором он пытался не только поднять их моральный дух, утешить, но и говорил о том, что их первая задача — помочь партизанам. И потом, 1943 г. внес определенные изменения во внешнюю политику нашего государства. Стратегическая инициатива перешла в руки нашего командования, это было очевидно. И передел послевоенной Европы стал делом ближайшего будущего. Естественно, что Сталин как человек, наделенный недюжинным умом и недюженной, на мой взгляд, демонической какой-то силой, сумел предвидеть, что большевистский рай вряд ли будет удобен для Восточной Европы. А если учесть, что РПЦ традиционно имела свои приходы, миссии, подворья в Западной и Восточной Европе, то использование церкви, практически уничтоженной к началу войны, во внешнеполитических целях было планом, который являлся частью амбициозного имперского плана Сталина. 5 июля 1943 г. было принято совершенно секретное постановление ГКО, которое по сути представляло собой программу действий по разведывательной работе. Впервые за годы существования внешней разведки в сферу ее интересов были включены церковные организации. Об этом писал покойный ныне П.Н. Кнышевский, сейчас этим вопросом занимаюсь я. И как отступная линия — почему же был 1943 г.? Почему именно этот период? По замыслам и Лубянки, и МИДовцев, использование церкви во внешнеполитических целях должно было идти по двум направлениям. Первое — создание так называемого единого «православного Ватикана» (это мой термин), то есть создание православного центра под эгидой Московской Патриархии, естественно, под жестким контролем государства, а вокруг него — союз автокефальных церквей. И второе — открытый бой Ватикану. Через Берию был подготовлен очень хороший доклад о состоянии католической церкви к началу 1944 г. на территории страны. Вождь увидел, что осталось только два католических прихода: на Малой Лубянке — обслуживающий дипкорпус, и, как это ни странно, в блокадном городе существовал приход на Кронверкской улице. И все. То есть делать с католиками на территории нашей страны было нечего. Но были другие земли — Галиция, Буковина, были униаты, которые вполне подходили под этот план. И именно там было решено дать открытый бой.

А. К. Отсюда и Львовский собор 1946 г., запланированный властью как итог насильственного присоединения к православию униатов?

О. В. Львовскому собору предшествовали и другие события. У всего этого есть герои, есть имена, есть лица. В феврале 1945 г., когда до победы оставалось три месяца, Хрущев написал большое письмо Сталину, в котором испрашивал разрешения и совета на проведение униатского раскола на территории Западной Украины. Причем сценарий этого раскола полностью совпадал с обновленческим расколом. Там было все практически слово в слово, по той же схеме. Об обновленческом расколе у меня тоже есть статья, которая так и называется — «Обновленческий раскол руками государства». И над всем этим непосредственно стоял Хрущев. Дальше следует памятный всем Львовский собор. И после этого — события, которые разворачивались с 1946 г. до начала 90-х годов.

Возвращаясь к Совещанию глав и представителей поместных православных церквей в 1948 г., скажу, что именно на этом празднестве 500-летия автокефалии РПЦ, по плану Сталина, и должно было быть всеобщее признание «православного Ватикана», потому что работа была проделана очень большая. Сразу хочу оговориться, что работой занимался совет по делам религий под руководством Г.Г. Карпова. Работа была колоссальной по всем направлениям — и с Болгарской церковью, и с Чешской, по всем автокефальным церквям, был даже и открытый подкуп православных иерархов, и подарки им.

А. К. Но ведь все это провалилось.

О. В. Да, провалилось. Но хочу сказать — Промысел Божий. И еще один существенный нюанс — не последовало никаких репрессивных мер. Правда, Сталин понял, что слишком большое значение придавать этому нельзя. Судя по документам, акция была великолепно спланирована, но все это не во власти его было сделать. И до его смерти ни страшных гонений, ни каких-то репрессивных актов по отношению к церкви не было. Вся страна знала о том, что когда-то был какой-то договор. Это, я считаю, помогло иерархам. Что касается иерархов — знали ли они? Да, знали, осмысливали. Есть сведения о том, какая участь была им уготована. Я думаю, что до конца обо всем не знал никто. Есть один очень интересный документ. В 1943 г., после собора, на котором был избран патриарх Сергей, он обращается к В.М. Молотову с просьбой о том, что следует послать ответную делегацию в Англию. Однако последовал ответ (учтите, что Молотов говорит это патриарху, правда, через Карпова), что от посылки делегации следует отказаться, потому что нечего нам ездить к ним на поклон, союзники они плохие, да и воюют они еще плохо. Это один из маленьких штрихов. Я думаю, и патриарх Сергей, и митрополит Алексей, и митрополит Николай, и митрополит Григорий (Чуков), на которого тяжким бременем легли многие вопросы по урегулированию в 1946 г. внешнеполитических замыслов, знали, что за этим стоит. Их, безусловно, никто не посвящал в совершенно секретные документы. Но то, что это очередная акция, они, видимо, догадывались, потому что слишком тяжелый путь они прошли.

А. К. Я задаю Вам все эти вопросы потому, что современность заставляет в них всматриваться, начинается что-то аналогичное. Так, многие люди уповают на помощь государства, идеалом для них служит та самая византийская «симфония» церкви и государства. Но если до XV века, по крайней мере, можно было утешать себя, что это христианское государство (хотя бы по самосознанию), то сейчас наше государство откровенно секулярное, люди, которые им управляют, — только политики, и сама история свидетельствует об их сугубо рациональном, прагматическом взгляде на церковь. Но нет, — Сталина пытаются наделить глубокими душевными переживаниями о церкви, считают, что любой властитель, тот же Зюганов, сможет послужить церкви; что церковь должна опираться на власть, церковь не может быть без поддержки государства.

О. В. Я сразу же хочу сказать следующее. В одном своем выступлении Г. Явлинский сказал, что в программе Зюганова есть три нераскрытых момента. Так вот третий момент — вопрос о религии. О том, что будет с религией и церковью с приходом к власти Зюганова, — там ни слова. Поэтому, я думаю, зная историю, уповать на него вряд ли стоит. О чем говорили всегда наши иерархи? Они не просили от государства очень много. Они просили элементарного выполнения Декрета 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви. Даже если бы было выполнено только это, многие вещи были бы решены по-другому. Но так как этого никогда не было, я думаю, никогда и не будет.

А. К. Многие священники и иерархи говорили, что даже законодательство 1929 г., совершенно уничтожительное по отношению к церкви, для церкви было бы приемлемо, если бы оно выполнялось государством.

О. В. Да, это относится и к Декрету, и к постановлению 1929 г., которое тоже было совершенно уничтожительным: церкви запрещалось все, даже благотворительность.

А. К. Хотелось бы поговорить и о современном законодательстве. Предположим, что государство, особенно в первые годы после советского периода, идет навстречу церкви, готово всячески ее защищать, поощрять. Первая позиция: признание как церкви господствующей именно православной церкви — церкви исторической, имеющей огромные заслуги в создании русского государства. И в связи с этим говорят о том, что представителям других религий, нетрадиционных для России, нужно запретить вообще всякую проповедь ради защиты наших

национальных ценностей. Говорят о том, что народ в течение 70 лет был лишен доступа к своим же собственным корням, поэтому люди не могут сейчас выбирать с достаточным основанием, и нужно их оградить от внешних влияний. Для чего должен существовать государственный закон? Как Вы видите эту проблему?

О. В. Действительно, начиная с 1988 г., толпы проповедников всех мастей ринулись в Россию. Мое твердое убеждение, что тут дело даже не в том, что у нас 70 лет была какая-то духовная пропасть. Все дело в том, что эти люди имели большие деньги, которые давали возможность проникнуть и на телевидение, и на радио, и в прессу. Не смотря на это я, наверное, не буду голословной, если скажу, что за последние полтора года их просто не видно и не слышно. Потому что православный человек в состоянии разобраться без помощи любых структур что есть что и понять, что ему нужно в его духовной жизни. Все, что наносное и чуждое для этой почвы, просто отбрасывается. А то, что касается, например, «Белого братства», где калечат жизни молодых людей, это, я считаю, в первую очередь проблема правоохранительных органов. Это нарушение существующего уголовного законодательства.

А. К. Стоит ли ратовать за закон, который был подготовлен в 1993 г. и который Б.Н. Ельцин тогда не принял? По нему государство ограждало бы людей от всякого доступа малоизвестных религий, не давало бы инославным проповедникам аккредитации. Насколько этот закон помог бы правоохранительным органам? Или он не нужен? Нужно ли что-то из этой области вводить в уголовное законодательство?

О. В. Я не знаю, как можно вводить в уголовное законодательство вопрос о свободе совести. Этого делать нельзя. В закрытой переписи 1937 г. был вопрос о вероисповедании. Но это был единственный раз в новейшей истории церкви и государства. То есть формально ваш выбор оставался вашим. Я считаю, что если новые религиозные организации нарушают правовые нормы, то они должны наказываться. И потом, как показывает практика, все наносное уходит.

А. К. Однажды я встречался с протестантами, было собрание типа круглого стола, где шел разговор о современном протестантском миссионерстве. Они были достаточно открыты, пригласили наблюдателей и даже участников со стороны православных и католиков. И один их юноша, корейский миссионер, откровенно сказал: «Мы ехали сюда, как в джунгли. Мы были уверены, что здесь о христианстве никто ничего не знает, что здесь люди нуждаются в самом элементарном научении, поэтому мы к ним так и подходили. Но за год мы получили совершенно иное представление и о характере русского народа, и о русской культуре, и о степени ее духовности. В общем, мы себя сейчас осознаем учениками».

Совсем недавно была еще одна подобная встреча. Создавалось общество содействия творческим работникам, и в его организации основное место также занимали протестанты. Они хотели организовывать какие-то выставки на евангельскую тему. Я спросил: «Допускаете ли вы, что на такой выставке будет икона?» И услышал неожиданный для себя ответ: «Конечно, обязательно!» Я снова задал вопрос: «Вы ее воспринимаете только с эстетической точки зрения?» (Уже это было бы неплохо.) Мне сказали: «Нет-нет, гораздо больше». Они, оказывается, понимают разницу между поклонением иконе как вещи и почитанием иконы как образа. Они говорили, что давно пора православным организовать ликбез для протестантов, потому что противостояние, обвинение православных в идолопоклонстве — для многих уже вчерашний день, об этом им даже неудобно вспоминать. Мне кажется, в связи с этим, что продолжающиеся попытки связаться с государством и от государства получить какой-то закон, охраняющий церковь от других верующих, — это же ловушка!

О. В. Если бы передо мной сейчас был закон 1993 г., то нам с Вами, сравнивая его статьи, было бы легко обнаружить в них очевидные противоречия. Поэтому я рада, что тот закон не принят.

Бог даст, все станет на свои места. Церкви не нужно министерство по культурам, это совершенно лишняя структура. Церковь не от кого ограждать, нужно просто по возможности дать ей существовать. Сейчас другое время, другая ситуация, другие люди.

А. К. В сталинские времена до 1943 г. храмы закрывали, против церкви боролись. Но это противостояние, борьба, в которой ясно было, где — свой, где — враг. А после 1943 г. государство снова обратилось к церкви, но уже стараясь ее использовать. Что более опасно для церкви по последствиям — ситуация до 1943 г. или после него?

О. В. Существует такой взгляд, и я его разделяю, что до 1943 г. была церковь репрессированная, были тысячи людей, умирающих за веру, — это был высший всплеск духовности, что, может быть, сродни первым христианам. А потом — это уже другая общность, другой народ. Профессор С.В. Троицкий, читая курс в Загорской семинарии, отмечал, что очень многие вещи студенты просто не могут понять, потому что это люди другой формации, они выросли в других условиях.

Что же касается деятельности государства по отношению к церкви в 60–70-х годах, кроме хрущевского курса на искоренение религии вообще, то мне иногда кажется, что была между ними некая молчаливая договоренность. Читая документы, размышляя, встречаясь с людьми, я все-таки прихожу к такому выводу. Потому что формы и методы пропагандистской борьбы государства были просто нелепы и непонятно, на кого рассчитаны. Я думаю, даже среди уполномоченных на местах были люди, которые все прекрасно понимали. Хотя это были сотрудники ГБ не ниже полковника и подполковника, они каким-то образом входили в действительно хорошие отношения с иерархами, и все это на бытовом уровне продолжало жить. Шитые белыми нитками приговоры о хищениях в 60-х годах и вообще эту политику в 60–70-е годы просто нельзя сравнить с политикой Сталина, потому что это даже рядом не стоит по уровню продуманности.

А. К. То есть ситуация смягчилась?

О. В. Даже не в этом дело. Люди попадали в жесткие условия на работе, в учебных заведениях, по месту жительства. Но попадали не как в 30-е годы — за свободу совести, как «враги», а за «тунеядство» и тому подобное. Все, конечно, было более стерто. Не было таких статей, не было такого гонения, не было ничего подобного 30-м годам. При этом общая масса людей, сознание общества в большей степени напоминало стоячее болото. Конечно, всегда были группы людей, которые по-другому мыслили, по-другому жили. Как мне кажется, наиболее положительным в 80-е годы было то, что очень многие люди, несмотря на страх, на нестабильность, задумывались о том, во имя чего они живут. На мой взгляд, эта дорога начинает более менее высвечиваться. Ведь только христианство дает нам право выбора, и это право выбора сейчас есть, сейчас есть то, чего не было никогда.

А. К. Перед людьми встает сейчас, я думаю, трудный выбор. Некоторые идут по широкому пути обращения к историческим мифам, хотят выстроить русскую историю, скажем, советского периода или историю церкви по таким тезисам: революция — погром, разгром, гибель; Декларация митрополита Сергия — измена истине; 1943 г. — Сталин образумился, поворот к правде; современность — «наша взяла», теперь мы можем диктовать свои условия. Когда же человек всерьез обращается к самым неприятным сторонам церковной истории, рассматривает их с плюсами и минусами, он видит не такой гладкий, а, я бы сказал, иррациональный духовный путь. И, конечно, для осмысления такого пути человеку мало просто читать документы (можно сойти с ума от неожиданности), ему нужно серьезное образование. На какие учебные пособия сейчас можно опираться? Есть учебник о Владислава Цыпина «История русской церкви советского периода», первый церковный учебник на эту тему. И что

Вы могли бы сказать о книге Д.В. Поспеловского «Русская православная церковь в XX веке»?

О. В. Я начну с книги Д.В. Поспеловского. На этой книге мы выросли, она открывала нам глаза на многие вещи. Мне позже она помогала искать то, что меня интересовало как историка. Я благодарна Дмитрию Владимировичу Поспеловскому за то, что он был первопроходцем.

Книга о Владислава Цыпина — действительно первый учебник для семинарии. Но что меня поражает и всегда будет поражать — это полная нестыковка историков церкви и светских историков. Об этом говорил на совместных встречах у нас в Институте российской истории митрополит Кирилл. У меня сложилось впечатление, что о. Владислав просто закрыл глаза на все то, что мы делали. «Вопросы истории» — вряд ли мало известный журнал. Я и мои коллеги в работах, опубликованных в нем, ссылались на целые блоки документов, не утверждая ничего голословно. А когда читаешь этот учебник, то такое ощущение, что о. Владислав просто ничего об этом не знает. На мой взгляд, книга должна быть переработана. Не надо обходить те вещи, которые пытаются обойти, их надо подавать объективно. Не учитывать всего накопленного о. Владислав просто не должен был. А что касается студентов, которым придется этот курс изучать, я считаю, что сейчас очень много есть нового и ценного в статьях, особенно с документальным подтверждением фактов.

А. К. В свете новых документов насколько основательны «Очерки по истории русской церковной смуты» Краснова, Левитина и Шаврова? Или они скорее эмоциональны? Как вам кажется?

О. В. Когда-то это тоже была настольная книга. Книга, которая ходила по самиздату и в рукописях, на которой мы тоже мужали и росли. Просто за последние пять лет нам стало известно больше. Когда мы читали ее в рукописях, нам ничего не было известно, для нас все это было в первый раз — те страшные открытия, которые мы делали. Я считаю, что эта книга должна быть на полке любого студента. Чем больше человек мыслит и чем больше он знает фактических материалов, тем больше может выстраивать какую-то концепцию. Ведь если у человека есть концепция, то ему проще с ней жить и осознавать, зачем и для чего все.

А. К. Тогда, наверное, самый последний вопрос. Мы говорили с вами о разных типах людей. О том, что люди той, сталинской, эпохи — это люди одного типа, после смерти Сталина — какой-то другой тип, начиная с 80-х годов — уже третий тип. А сейчас, видя студентов — у нас ли в Школе, в светских ли вузах, или учащихся в подростковых, школьных учреждениях, скажите, как люди воспринимают историю? Насколько они свободны от той зашоренности, которая насаждалась как принцип воззрения на историю?

О. В. Вообще, практика печальна по многим направлениям, и я объясню, почему. Есть очень большой вопрос в истории нашего отечества — Великая Отечественная война. С одной стороны, это вопрос, который очень трагичен, — война, цена победы, цена поражений, цена стратегических битв и т. д. То, о чем можно говорить, — 1941-1942 гг. То есть это можно разбирать, это действительно трагедия, трагедия, которая продолжалась. С другой стороны, есть вещи, о которых нельзя не говорить. Ведь, пожалуй, в России нет семьи, в которой не было бы погибших. Но был патриотизм (может быть, меня упрекнут, скажут — псевдопатриотизм), на котором миллионы людей выросли, то, что было в душах. Я, как историк, не согласна, что умирали «за Родину, за Сталина». Умирали за тот кусочек земли, на котором ты вырос, который ты любил. Здесь есть такая вилка, как в любом историческом факте. Я взяла Великую Отечественную войну просто как более яркий пример, чтобы субъективное мое восприятие истории не поглотилось схематизмом и, с другой стороны, чтобы схематизм не поглотил той страны, той улицы, на которой я живу. Я считаю, что сейчас есть крен как в одну, так и в другую сторону.

При общении с молодыми людьми я узнаю иногда то, что мне кажется просто диким. Я работала со студентами колледжа, они черти-ли генеалогическое древо своей семьи. Меня поразил такой факт, что дальше бабушки разговор не идет. Для меня даже не это было диким, я предполагала, что это так, но не думала, что это будет в таком объеме. Известно, что если у человека нет прошлого, нет и будущего. И сейчас, если говорить о молодых людях, то, конечно, мы что-то потеряли, а к чему-то новому мы все в массе своей прийти не можем.

Но мне нравится мое время, моя эпоха, потому что у меня есть выбор. И человек с этим выбором может думать. Думать, конечно, и мы могли на своей кухне 15–20 лет назад, но выбора у нас все равно не было. И поэтому сейчас так важна работа не только высших православных школ, это уже, конечно, высшая ступень обучения, а даже детских садов. Я много говорила с батюшками об этом. Но здесь опять же противоречие между законом и действительностью, противоречие в том, что Закон Божий вы факультативно можете преподавать, а вдруг десять мам скажут: «Нам этого не надо», а пятнадцать одобряют: «Мы с удовольствием». Но я считаю, что надо подходить к этому не формально, а от души. И практика показывает, что неформального подхода очень много и в Москве, и в Питере, и в других городах. Я сужу по лицам, по глазам обучающихся в духовных школах и светских студентов. Это разные лица, разные люди, разное восприятие мира. Совсем светлые глаза эти и не совсем светлые те, то есть плоды видны. Работа должна вестись, но, к сожалению, не хватает сил, просто мало сил. Количественно это растет, а качественно нет. Это общая проблема, и я думаю, что рано или поздно она будет решена, на какой-то светлый путь мы все же выйдем.

А. К. Да, без решения этой проблемы, конечно, ни о чем говорить нельзя. Даже если будут строиться новые храмы и открываться старые.

О. В. Это должно подтверждаться живым делом, живой работой и, конечно, это работа очень тяжелая. Мало выпускников духовных учебных заведений, и рукополагать в общем-то некого при таком росте храмов. Однако это проблема не для сиюминутного решения.

А. К. Я согласен, попытки решить все церковные проблемы в пределах одного поколения — это попытки просто пагубные. Потому что тот самый выбор, о котором Вы говорили, закрывается. Людей часто рукополагают, не дав им даже закончить курс духовного училища, я уж не говорю о чем-то большем. «Проклятье века — это спешка», как писал Евтушенко в конце 60-х годов. Это по-прежнему актуально.

Спасибо Вам. Сегодня мы как будто продолжили ту нашу беседу в поезде. Поезд идет, мы как-то меняемся, хочется оптимистически сказать — не к худшему. В частности, благодаря знаниям, которые получаем, часто неожиданным и, может быть, для наших концепций не очень приятным. «Во mnogой мудрости много печали», но в ней есть и очищающая нас печаль, мы прозреваем, укрепляемся. И тогда выбор — уже не мучительная необходимость, потому что перед нами открывается большой простор.

О. В. Да, еще раз повторю: того, что нам дает наше время, не было раньше. Думать-то мы могли, а вот выбор у нас был очень узкий.

Александр Богословский: «И тогда мы были неделимы!» (об архимандрите Сергии

(Савельеве)

Дневники, письма, воспоминания

История Русской Церкви XX века — до сих пор книга за семью печатями. Многие страницы еще не написаны, другие исчезли, но повествование о крестном пути ее страстотерпцев и мучеников должно быть сохранено для потомства. И потому так важны и значительны любые сведения и свидетельства о жизни носителей живого духа Церкви в течение долгих лет гонения на веру в Советской России.

В Рождественскую ночь 1977 г. за праздничной службой в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Медведкове от сердечного приступа скончался настоятель архимандрит Сергей (Савельев).

Так внезапно у подножия Престола завершилась долгая жизнь, прошедшая в бесчисленных лишениях и испытаниях, жизнь, исполненная любви ко Господу и Святой Церкви, отданная служению людям.

Началась она в Москве: здесь 24 апреля 1899 г. в семье Петра Никитича Савельева и его жены Екатерины Павловны родился сын Василий. Детство Василия, его сестер Марии, Анны и Евдокии проходило в городе Шацке, недалеко от имения графа Воронцова, где отец работал управляющим.

После окончания реального училища Василий по настоянию отца поступает в Технологический институт в Петрограде, однако октябрьский переворот 1917 г. и начавшаяся гражданская война помешали завершить учение. Василий устраивается на санитарный поезд, прикрепленный к Восточному фронту, где в 1918 г. развернулись напряженные боевые действия. Некоторое время проработав санитаром, он ненадолго возвращается в Петроград и вскоре уезжает в Москву.

Здесь Василий и его жена Лидия поступают в Институт Слова, где преподавали многие выдающиеся ученые, в том числе Н.А. Бердяев и И.А. Ильин. Василий приступает к систематическому изучению русской философии и работает над темой «Национальный вопрос в сочинениях Владимира Соловьева». Но вскоре атмосфера в институте резко изменилась, чистка следовала за чисткой, и в конце концов молодым людям пришлось оставить учебу.

Москва 20-х годов. Большевики усиливают гонения на веру, стремясь изнутри взорвать Православную церковь, инспирируют движение живоцерковников, захватывающих храм за храмом. Патриарх Тихон в заключении, ему грозят суд и неминуемая смерть. Многие оказались на распутье: во имя чего жить, с кем и куда идти?

И тогда Василий Савельев делает решающий выбор, которому остается верен до конца дней: он с гонимыми за Христа и Святую Церковь, против всемогущих гонителей, лжецов и фарисеев. Он с побежденными против победителей.

Любовь ко Христу и Святой Церкви, которой он, по собственному признанию, обязан своей матери, горячо и истово верующей православной христианке, увлечение идеями русской религиозной философии предопределили его выбор.

Большое значение в жизненной судьбе Василия Савельева имела встреча с Валерьяном Николаевичем Муравьевым, участником сборника «Из глубины», продолжившего традицию

знаменитых «Вех». Книга «Из глубины», в которой также поместили статьи Н.А. Бердяев, о. Сергей Булгаков и С.Л. Франк, была уничтожена коммунистическими инквизиторами вскоре после выхода в свет, лишь единичные экземпляры ее уцелели и попали на Запад. Валерьян Николаевич Муравьев в 20-е годы работал в Центральном институте труда (ЦИТе), а затем был брошен в концлагерь на далеком Севере, где и окончил свои дни.

Бердяев, Ильин, Муравьев — русская религиозно-философская мысль конца XIX — начала XX столетия в целом неожиданно оказалась той тропой, которая привела Василия Савельева и его близких к стенам Церкви.

Но, отдавая дань уважения исканиям русских религиозных философов, молодой человек не вполне мог удовлетвориться духовной пищей, которую получал от старших друзей: душу тянуло к первооснове, единой для детей и отцов, — к сокровенной мудрости Святой Церкви. И как ни тяжела была внешняя сторона жизни Церкви, будущий отец Сергей и его близкие не смутились и смело вошли вовнутрь церковных стен, «и не какими-то «прихожанами», а как «власть имущие», получив эту власть по дару Христовой любви. Войдя в церковные стены, мы приняли и на себя полную ответственность за то, что нас ожидало там», — вспоминал позднее отец Сергей.

Смерть патриарха Тихона провела резкую грань в духовной жизни России. Ушел великий молитвенник, земные пределы покинул заступник обездоленных и обойденных, и Церковь осиротела.

Всю любовь, боль, отчаяние и надежду верующих остро почувствовал Василий на похоронах патриарха в Донском монастыре, где он был одним из распорядителей похорон. Люди, многие тысячи людей, пришедшие проститься с усопшим патриархом, колеблющееся море свечей у древних стен монастыря — видение уходящей России...

После смерти патриарха Тихона один из местоблюстителей патриаршего престола митрополит Сергей в трудных обстоятельствах жизни Церкви выпускает декларацию о ее лояльности по отношению к советской власти. Декларация эта разделила церковное общество, многие епископы и священники перестали почитать митрополита Сергия, отделились от него; и здесь начало катакомбной церкви, просуществовавшей примерно до конца второй мировой войны.

За рубежами России Синод епископов, обосновавшихся в Карловцах (Югославия), осудил декларацию митрополита Сергия и прервал молитвенное общение с Матерью-церковью в России.

Широко распространен взгляд, что те, кто остался верен митрополиту Сергию, ценой лояльности покупали жизнь и «свободу». Все это позволяет довольно элементарно, в черно-белых тонах, представить картину церковной жизни в Советской России. С одной стороны, праведники и исповедники, не запятнавшие светлых риз, сознательно избравшие крестный путь, с другой — приспособленцы, якобы ради спасения Церкви, а на деле — ради сохранения жизни и привилегий, сотрудничающие с безбожной и человеконенавистнической властью и хорошо усвоившие «науку выживания».

Расхожая точка зрения, но в последние годы ее особенно усиленно эксплуатируют адепты Русской Зарубежной Церкви, большую часть жизни прошедшие под защитой «чуждых крыл» и в условиях личной безопасности, вряд ли имеющие право для безапелляционных решений и осуждения гонимой Церкви.

В действительности все было много сложнее и запутаннее; история не поддается

рациональному толкованию, постижение ее требует глубоких духовных усилий и проясняется в свете Божественной любви.

Наглядный тому пример — жизнь тысяч и тысяч православных христиан, священников и мирян, оставшихся верными митрополиту Сергию, шедших путем Креста, принявших страдание и муки во имя Господа нашего Иисуса Христа. Как и большинство верующих в России, будущий отец Сергий и его единомышленники склонились перед смирением митрополита Сергия, которое он явил всем, и увидели в нем достойного преемника первосвятителей московских. И когда пробил час испытаний, Василий и его близкие до конца испили чашу скорби, приобщились страданиям за распятого Господа.

Новая волна гонений. И вот 29 октября 1929 г. Василий Савельев и все его ближайшее окружение арестованы, судимы, брошены в лагеря, тюрьмы, ссылки.

2 июня 1931 г., готовясь к смерти, Василий Савельев принял монашеский постриг и имя в честь преп. Сергия Радонежского. Его духовным отцом в лагере стал епископ Леонид (Антощенко). 17 сентября 1931 г. иеромонах Варнава постриг в ссылке жену отца Сергия — Лидию, и она приняла имя Серафимы в память преп. Серафима Саровского.

После освобождения из лагеря в 1934 г. отец Сергий в следующем, 1935 г. принимает священство, но епископ Леонид не благословил его тогда служить в храме. Так отец Сергий и его близкие по существу присоединились к катакомбной церкви. После освобождения из лагеря отец Сергий жил и работал там, где его принимали на работу с судимостью: на строительстве канала Москва-Волга, Куйбышевской ГЭС — в Дмитрове, Куйбышеве и Ульяновске.

После окончания войны небольшая духовная община, руководимая отцом Сергием, соединяется неподалеку от Москвы близ станции Фирсановка. Дом в Фирсановке (он сохранился и донныне), по существу, был и домашним храмом, и катакомбным монастырем, очагом духовного сопротивления силам воинствующего безбожия и стихии бездуховности, мутными волнами заливающим просторы России.

1947 г. стал для отца Сергия переломным. После долгих лет отвержения и изгнания он вновь в лоне Церкви, начинается его служение в Патриаршем Елоховском соборе. В 1950 г. отец Сергий посвящен в сан архимандрита. В 1952—1957 гг. он служит в храме Покрова Божией Матери на Землянке, в 1957—1959 гг. — в храме Преображения Господня в Богородском.

После двухгодичного перерыва, вызванного разногласиями отца Сергия с протоиереем Николаем Колчицким, отца Сергия переводят в храм Покрова Божией Матери в Медведкове. В 1961 г. он находился на грани закрытия и был восстановлен усилиями отца Сергия и прихожан.

Во всех храмах, где Господь привел его служить, отец Сергий неизменно пользовался большой любовью прихожан, часто следовавших за ним из храма в храм в течение десятилетий. С затаенным дыханием слушали верующие проповеди отца Сергия, и он никогда не оставлял их без окормления и духовной поддержки.

Сейчас, когда раздираемая новой смутой Россия находится на краю гибели, оживают в памяти слова отца Сергия, сказанные им с большой силой «власть имущего» в одной из проповедей незадолго до смерти. И звучат они как призыв к примирению ради спасения души Родины:

«Прошедшие десятилетия были очень тяжелыми. Была борьба, было общее смущение, смятение. Озлобление доходило до крайней степени. Много людей было погублено. Много

жизней и страданий осталось позади.

И все же, дорогие мои, когда вспоминаешь все это, то невольно в сердце звучит голос: «И тогда мы были неделимы».

И те, кто остался в снегах далеких, и кто на полях сражений был, и кто в каких условиях ни был бы — все составляли и составляют единый народ. Я вам сказал, что и кости тех, кто остался где-то там, на далеком Севере, они к нам как бы возопиют и говорят нам: «Братья! Мы там остались, но мы с вами нераздельны, потому что мы — один народ, одна страна».

Конечно, трудно это понять. Очень легко сказать: «Ты — предатель. Ты, наоборот, — такой-то человек». Можно очень легко сказать: «Ты — виновник. А ты не виноват», — и виновного судить, рядить. Это очень просто, очень легко... Все это я знаю даже больше, чем вы знаете, но все-таки, все мы — под одним Покровом!»

Архимандрит Сергей (Савельев): Родной мой человек...

Дневники, письма, воспоминания

Кажется, я все сделал, чтобы потерять Его, живя недостойно. Сохранился же Он во мне только по Любви Создателя ко всякому, даже и падшему, созданию Своему.

Вот почему мне так грустно стало, когда я прослушал запись одной из многих своих проповедей. Бедное слово бедной души, опутанной немощью греховной. Эта немощь от меня, и мне горько от нее в эти конечные дни моей жизни. Если же родным все-таки захочется какие-то проповеди сохранить на память, то это можно сделать, но при одном неперемennom условии: все, что имеется в них от моей немощи, — предать огню, а все, на чем отразился Божий Свет, можете сохранить. Чем строже и искреннее вы это выполните, тем лучше и для меня и для вас.

14 января 1973 г.

Верующий человек может отказаться или потерять веру и стать неверующим. Вера неотрывна от свободы. Насилием нельзя заставить верить. Насилием можно только заставить исполнять обряды. Но обряды не вера. Обряды — внешнее выражение веры, осязаемая часть веры. Исполняющий обряды может быть и неверующим человеком. Неверующий сын хоронит свою мать по церковному обряду, зная что мать его была верующей.

Вера определяет внутреннюю связь человека с Богом. Эта связь тем глубже, чем больше человек взыскует Бога как Творца и Судью своего. Эта связь для каждого человека имеет таинственное, глубоко личное значение. Преступно воздействовать на человека с целью заставить его отказаться от веры или хотя бы потревожить его верование.

Люди верующие согласно могут объединяться друг с другом, но их объединение не может ограничивать внутреннюю свободу человека в веровании. Их объединение в основе своей может иметь только любовь. Там, где любовь исчезает, единение теряет смысл и оправдание. Любовь требует абсолютной свободы. Под насилем любить невозможно. Поэтому объединение людей одной веры должно быть обусловлено только самыми основными понятиями, определяющими общность их веры. Эти понятия люди одной и той же веры называют догматами. Чем меньше обязательных понятий, определяющих принадлежность к той или иной

вере, тем лучше. Блаженный Августин определил: «В необходимости согласие, в сомнительном – терпимость, во всем – любовь». Формула идеальная при одном дополнении: необходимое любовь должна суживать. Если «необходимое» разрастается, то это означает, что любовь оскудевает... Основное несчастье в церковной жизни произошло через насилие, которое подавило свободное развитие жизни во Христе и непосредственно связанное с этим – выход церкви на улицу, в толпу, не в народ, а именно в толпу...

Православие – аристократизм духа. Для толпы оно чуждо. Для толпы – «хлеба и зрелищ». Аристократизм духа открыт в равной степени как для убогой по внешности старушки, так и для мыслителя или ученого. Аристократизм духа несовместим с аристократизмом рода, или лучше сказать, неравнозначен. Несовместим тогда, когда аристократизм сословия подавляет Христа с его призывом любить друг друга. А так как аристократизм сословия представляет слишком большой соблазн для высокоумия и гордости, то, как правило, аристократы сословия неспособны были быть аристократами духа. Убогая, бедная забытая старушка несравненно больше способна быть подлинной аристократкой духа... Вот союз таких аристократов духа и может составить истинную церковь... В основе братской молитвы будет лежать устав нашей православной церкви. Но использование его должно быть разумным, в соответствии с тем новым церковным сознанием, которое мы обретаем в наше время. Не будем говорить, какие изменения необходимо внести в устав. Эти изменения породит соборная любовь и молитва, и препятствовать таким изменениям невозможно. Ревнители мертвых форм и буквы, как утратившие евангельское восприятие жизни, будут сопротивляться. Но их сопротивление не имеет никакого значения, хотя бы потому, что никто их не будет понуждать к каким-либо изменениям.

Пусть продолжают держаться «традиционно-московского» варианта устава, искаженного и испорченного обмирщением нашей церковной жизни. Для христианина устав – не «реестр исходящих и входящих» бумаг, а выражение духа веры и жизни во Христе. Прежде всего, богослужение должно совершаться на языке, понятном современному человеку. Это язык – не язык улицы, и даже не литературный, а язык, сохранивший в себе мелодичность и образность славянского языка, но освобожденный от грубейших нарушений логической связи и непонятных слов, затмевающих смысл богослужения.

«Труп» и «тело» – как будто равнозначные слова, когда они применяются к умершему, а между тем, все-таки, тело – это одно, а труп – другое. Слово «тело» легко укладывается в наше сознание, а слово «труп» заставляет нас морщиться. Все богослужебные книги переполнены словами, которые совершенно непонятны не только мирянину и семинаристу, но и тем, кто окончил духовную академию.

И можно только поражаться косности, невежеству и полному пренебрежению к верующим людям, тому, что и в старое, и в новое время не позаботились о том, чтобы богослужения совершались на понятном для простого человека языке. Следствием этого получилось то, что само богослужение во многом утратило просветительный и воспитательный характер и способствовало чувственному искажению чистых, целомудренных распевов в храмах. Услаждение концертным пением было результатом не только обмирщения церковных людей, но и прикрытием того, что церковным людям было непонятно. А лучше сказать, плохо понятный и даже частью совсем непонятный язык, на котором совершаются богослужения, немало послужил упадку веры в людях.

Это все относится к богослужебной жизни церкви. Она неминуемо должна претерпеть глубочайшие изменения, которые бы устранили все искажения и извращения современного порядка совершения церковных служб. Это даст возможность ярче выявить те вдохновенные, божественные особенности уставного богослужения, которые так созвучны душе верующего

человека. Есть препятствие в развитии церковного пения – это необходимость пользоваться церковнославянским языком, который очень часто и для священников непонятен. Удивительно – в то время как африканские народы, исповедующие католическую религию, могут совершать богослужение на своем родном языке, мы, русские, лишены этого и вынуждены пользоваться церковнославянским языком, который скрывает от верующих смысл и чтения, и пения в церковных службах. Необходимость перехода на русский язык настолько очевидна, и уже много лет очевидна, что совершенно непонятно, почему наша высшая церковная иерархия даже и здесь проявляет свое полное пренебрежение к нуждам верующих. Что это такое – косность ее или воздействие на нее сил, враждебных церкви?

Что бы ни было, а церкви должны переходить на русский язык, и даже явочным порядком, не дожидаясь, когда наши высшие церковные иерархи найдут в себе силы для осуществления этого. Конечно, церковнославянский язык имеет свою особую мелодичность и перевод на русский язык необходимо сделать так, чтобы мелодичность, церковнославянского языка в максимальной степени была бы сохранена. Это вполне возможно. И тогда для верующих людей стихиры, которые поются в церкви, Священное Писание, которое читается, будут понятными, и верующий человек легко будет проникаться смыслом и обычных богослужений, и праздничных, и тогда потеряет смысл какое-нибудь сольное, концертное исполнение таких песнопений, как «Ныне отпускаеши...», «Свете Тихий...», великое славословие, да и все другое.

Однажды, церковная певица самодовольно сказала, что она получила большое удовлетворение, когда пела соло в «Тебе поем». Я сказал ей, что это пение – профанация и даже почти кощунство. «Тебе поем» поется во время евхаристического канона, и в тот самый момент, когда совершается в алтаре таинство Евхаристии. Вся церковь в этот момент должна быть в полном единодушии, поддерживая всей любовью предстоящего священника. И вдруг в это время какая-то певица, пусть и хорошая, и не только по голосу, но и по сердцу, разливается по храму своим сольным пением, и тем, конечно, отвлекая людей от таинства в область чисто душевных, эмоциональных переживаний от сладкопения. В этот момент хор певчих должен сам быть проникнут сознанием великой ответственности, лежащей на нем, так как он призван в эти высочайшие минуты богослужения не развлекать, не услаждать уши молящихся, а стремиться вписаться в таинственную глубину совершаемого таинства. А это можно сделать только в том случае, если пение будет молитвенным, скромным, трепетным, не выявляясь сверх меры, а скорее приглушая себя. Это пение должно быть аристократически-духовным. А этого достигнуть можно только в том случае, если священники будут воспитаны и подготовлены так, как нужно, и если община опирается и в пении, и в чтении на своих близких и достойных членов общины.

Вот обрядоверие наше – это есть наше великое несчастье и зло. Обряд – это внешнее, а таинство – внутреннюю силу дает, и нам-то нужно не об обрядах думать, а думать о приуготовлении людей к принятию Просвещения, к принятию Крещения, к таинству Крещения. Так вот я и говорю вам, что нужно созидать внутреннюю сторону. Существо-то таинства – это благодать Христова, которая дается в таинстве. Эта преображающая благодать Христова – это есть основное, и ради этого и нужно всем остальным пренебречь.

Помимо богослужебной жизни церкви, христиане не могут забывать о жизни внецерковной. Для христианина церковная и внецерковная жизнь – нераздельны. Христианин, выйдя из церкви, остается в Церкви, ибо для него весь мир – Божий храм. В мирской жизни христианин продолжает свое служение Богу. И это служение определяет его и мысли, и действия в повседневной жизни. Все, что согласуется с совестью христианина, для него – родное, дорогое и неотторжимо от него. Христианин призван служить Богу на всяком месте. Для него и общественное служение, и семейная жизнь, и личная жизнь одухотворяются все той же

Христовой любовью. Эта любовь может быть различной, но только в объеме, а не в качестве. В основе своей она имеет Христа, Который просвещает весь мир и наполняет его божественной Премудростью.

Родной мой человек, ты скажешь, что такую любовь мало кто поймет и мало кто может вместить ее. Подавляющее большинство людей в своей жизни руководствуются любовью не к Богу, а к самим себе. А чтобы эта любовь не обнажила их гордость и самолюбие и не отвращала бы людей от них, они прикрывают себя всякими высокими на вид и низкими по существу «идеями».

«Ты прав, все это так и есть, но разве можно отдать свое сердце в рабство таким »идеям"?" В том-то и радость жизни во Христе, что христианин, видя эти приманки как сети, раскинутые перед ним, обходит их и тем самым оберегает свободу от рабства не только для себя, но и помогает другим людям избавиться от этого рабства, если только они хотят этого.

Для христианина, как я уже сказал, жизнь нераздельна: в храме ли он, на улице ли шумной, у станка ли, на торжище ли, в кругу ли своей семьи – везде он чувствует дыхание Божие. Если же душа его потеряла это чувство, то ему надо остановиться, прислушаться, оглядеться, понять причину своей глухоты, и только тогда он может идти вперед.

Живя так, он будет в мире, и над миром. Он будет видеть темное, но светлое спасет его от ослепления темным. Он будет видеть мир, преисполненный насилия и ненависти, и в то же время Свет Христов откроет в нем источники благодатной силы, которые спасут его и других через него от подавления духом ненависти и насилия.

Родной мой человек, снова и снова я напоминаю тебе, что моя беседа с тобой – только для тебя. Ты скажешь, что надо и другим людям знать о ней. Не смущайся, об этом позаботится Тот, Кто дал нам разум постигать неисповедимые пути Его. Христианину же нужно стремиться только к тому, чтобы стать слухом, обращенным к Богу, впитывая в себя Премудрость Божию, одухотворяющую и созидающую жизнь всей вселенной.

И как поразительно: там, где люди слышат злое и сами заражаются злом, там христианин, хотя и слышит злое, но сквозь злое слышит правду Божию, которая не только умягчает его страдания от зла, но дает силы для преодоления его.

Христианину также нужно охранять свои очи от всякой житейской нечистоты, потому что только чистые сердцем узрят Бога. И узрят не только в иной жизни, но и в этой жизни, в нашей, повседневной. Наша власть для многих несправедлива, а христианин не поддается этой несправедливостью, а просит Его, чтобы Он дал силу ей для совершения всякого добра, и сам полагает свои силы на то, чтобы помочь власти на этом очень трудном пути.

Родной мой человек, ты, конечно, замечал, как птицы собираются вместе, но задумывался ли ты о том, как они находят друг друга в бездонном небе? Так и люди. Они также находят друг друга, когда им это нужно. Пьяница, зайдя в магазин за водкой, посмотрит кругом и безошибочно из толпы людской находит себе товарищей, так же и товарищи находят его. Их как бы магнит притягивает друг к другу.

Кое-кто скажет, что они по глазам друг друга узнают. Так это или не так, я не знаю, но если пьяницы и всякие другие злонамеренные люди быстро находят себе подобных, то и христианин невольно тяготеет к подобным себе, находит их и сближается с ними. Но их сближение будет не для плохого дела, а для доброго. И разве можно их судить за это? Жизнь их будет очень трудной. А разве цветок, прежде чем украсит землю, пробивая сухую землю, не терпит тесноты?

Все подлинно высокое, вдохновенное и достойное человека пробивается в жизнь через страдания. И чем тягостнее они, тем возвышеннее то, что порождается через них во имя Божие.

На твердом камени Христа будет обновляться вся жизнь церкви: ветхое – отмирать, а новое, Христово, – утверждаться. Мы знаем это ветхое по себе, по своей склонности ко греху, а знание святого нам будет открыто Духом Божиим.

В церковной жизни, как ни страшны греховные заросли ее, но они засохнут. И те, кто в этих зарослях в настоящее время плавает, как рыба в воде, поймет, что рыба-то плавает в чистой воде, а не в болоте. И если ее вырвать из протока чистой воды и бросить в болото, то она в нем задохнется. И те, кто находится в церковных зарослях, тоже задыхаются. И когда они почувствуют источник чистой церковной воды, то поспешат к нему. Замедлят или отвратятся от него только те, кто окончательно отвратился от Бога.

Еще раз скажу, что я не вижу непреодолимых трудностей в том, чтобы церковные люди очнулись от греховного сна. Также не считаю непреодолимыми препятствия, которые создает для свободной духовной жизни гражданская власть.

Любовь Христова преодолет эти препятствия. И когда это будет, а это будет несомненно, то прославится не только Христос, но и гражданская власть, и ее атеизм будет иметь провиденциальное значение для жизни Церкви и всего народа.

Родной мой человек, Святая Церковь так настрадалась от лстивых объятий людей, которые через ложь и лицемерие прокрадывались внутрь церковной ограды и так истерзали душу ее, что атеистическая власть, не нуждающаяся в лживом прислужничестве церковных людей, вожделенна для христианского сердца. Скажу больше, такая власть наилучшим образом, как власть, исполняет в своем атеизме служение Богу.

Мы все едины, и атеисты нам нужны, и нужно, чтобы у них в руках был бич, которым бы они били христиан, когда они уклоняются от Христова пути. Мы же, христиане, будем благодарить Бога за то, что у них в руках крепкий бич, а их будем благодарить за трудное служение миру, которое выпало на их долю. Пусть же любовь наша будет предстательством перед Богом в первую очередь за них, а потом уже и за себя, грешных.

Когда же мы предстанем перед Господом, то кто из нас будет на переднем месте – никому неизвестно.

Чем больше задумываешься об истории жизни нашего народа, чем дальше в века уходишь, видишь, что этот путь обмирщения церкви и путь подавления ее мирским началом, светским началом – вот он уже сейчас дошел до крайности. Я говорю, что мало где в храмах мы найдем сейчас себе приют духовный.

1970 г.

Я бы мог сказать, что нужно еще, скажем, «поститься, самоотвержение и все другое». Не надо ничего! Все идет не отсюда. И я решаюсь даже сказать, что, быть может, большая ошибка была в прошлом, что считали, что вот таким изматыванием плоти, вот таким образом человек поднимается до любви. Я позволю себе, хотя я и недостойный человек, с этим не согласиться. Иной источник – когда человек возлюбит Бога, когда почувствует, что премудрость Божия царит в мире, и когда он устремится к Нему, тогда все устроится: он и пост соблюдает, когда нужно, он и молитву всегда в сердце своем держит, он и служит

ближнему своему, отвергая себя, свои похоти.

Родной мой человек, когда ты слышишь суждение о тяжелом положении церковной жизни в наше время, то, обычно, чтобы эти суждения были особенно убедительными, говорят, что в былое время церковная жизнь процветала. Это глубокое заблуждение. В былое время внешне она, может быть, и процветала... Ведь нельзя же себе представить, чтобы церковная организация имела большую внутреннюю крепость и оказалась в октябре 17 года в совершенно беспомощном состоянии. Когда накрывает буря, то она ломает гнилые деревья, а крепкие только гнутся. Будь церковная жизнь крепкой внутри, октябрьская буря прошла бы мимо, не повредив ее. И, может быть, и бури даже не было бы. Ты можешь спросить меня: «А когда же и как церковь пришла в такое бедственное положение?»

Ты будешь перелистывать страницы истории или рыться в памяти своей и, может быть, найдешь какой-нибудь ответ на этот вопрос. Но я почти убежден, что этот ответ будет неудовлетворительным. Не удивляйся. Оскудение церковной жизни, утрата в ней непосредственного общения с Богом началась очень давно. Вот это-то и надо мне разъяснить тебе.

Вот ты представь себе, с одной стороны, запутавшихся, полумертвых людей, определяющих жизнь церкви, и, с другой стороны, массу простых верующих, и просто людей, не знающих покоя для души своей. И ты поймешь, что между теми, кто наверху церковной жизни, и теми, кто составляет тело ее, – полный разрыв. Первые – над церковным телом и неспособны понять нужды жаждущих правды людей. Эти от нее очень далеки, и если простой верующий человек войдет в храм, то он там не встретит ни понимания, ни сочувствия. Он прослушает богослужение, в котором мало молитвы, но много стремления к внешним обрядам и дешевому внешнему блеску. Ты зайдешь в храм с жаждой услышать слово любви и утверждения жизни, но для всех ты там чужой человек. Ты ищешь, к кому бы тебе обратиться, ищешь усердно, но если найдешь – то с большим трудом.

Я как-то вам говорил о том, что вот если бы Господь нам дал возможность, если бы у нас была сила, – общину... ну, скажем, 20 человек. Чтобы мы знали друг друга.

... Человек, который всей своей жизнью стремится к тому, чтобы утвердить в своей жизни закон Христов, – того мы к себе в семью призываем. Это насущнейшее дело нашей жизни. Только на этих путях и может возродиться наша церковная жизнь, а вместе с возрождением и будет драгоценнейший вклад в нашу общую жизнь, которая создается на наших глазах.

... Во всех случаях община должна иметь право отказа от своего священнослужителя, если он не оправдал их доверия.

Я вам говорил, что созидать храм Божий, созидать общинку при храме – это созидать семью. И надо очень страшиться, чтобы к нам не проникали люди, которые неспособны к духовной жизни и не имеют духовного разума.

Родной мой человек, представь себе, что на твоих глазах растет мальчик, возлюбивший церковь и с радостью принимающий участие в совершении богослужения – подав, например, кадило, или поставив свечу, или помогая пожилому священнику в облачении, или держа книгу перед ним, когда это нужно. И вот этот мальчик растет, начинает мало-помалу читать или подпевать на клиросе, и с годами все больше и более совершенствуется в усвоении церковных служб, и все это на глазах общины. Тут открываются и его характер, и поведение, и усердие, и честность, и жизнь его в семье, отношения с товарищами, и, наконец, школьные успехи. Так

мальчик становится юношей, и когда подойдет время поступления в духовную школу, то община представит его своим кандидатом, имея глубокое основание сделать это с полной ответственностью за него. Такого юношу можно спокойно принять в школу. Он не будет случайным для нее. Но ответственность общины за своего воспитанника не оканчивается в школе. Все праздники, весь свой отпуск воспитанник не должен порывать связи с общиной, которая, конечно, может принять на себя и материальные заботы о нем. Для общины совсем не безразлично, в чьи руки попадет их воспитанник в школе, и если руки плохие, то община безразлично относиться к этому не может. Она должна иметь право, совместно с другими общинами, воздействия на тех, кто повинен в передаче юноши преподавателю, не заслуживающему доверия. Юноша мужаает, община видит, радуется и всей любовью отвечает ему на все доброе, что он приобретает, не столько для себя, сколько для служения церкви. А когда молодой человек закончит духовную школу, семинарию и академию, то у него прямой путь – вернуться к тем, кто его вырастил, кто любит его и к кому, конечно, сердце окончившего духовную школу тоже не может не влечь его в свою духовную семью.

Вот когда будут такие служители церкви, тогда храм для них станет родным домом, и они всем сердцем будут нести свою службу.

Адвентисты отвергают таинства, они отвергают священство, они отвергают мощи – все это у них не признается. Они как бы рассудочно подходят к вопросам веры. Но рассудок не может восполнить, рассудок не может передать ту благодатную силу, которая у нас в душе вложена. Они преломляют хлеб, но как преломляют – как хлеб, в память того, что было на Вечери, а у нас – таинство. Что значит таинство? Вот на ваших глазах я недостойный, имеющий благословение патриарха покойного служить с открытыми царскими воротами, в момент, когда поется «Тебе поем» и совершается в это время это таинство, то поверьте мне, дорогие мои, я в эту минуту совсем себя не сознаю. Ваша молитва, пение и ваша молитва – я как бы чувствую за собой всех вас, вашу любовь, вашу веру и, в то же время, сознаю крайнее свое недостойство.

Мы верим, что в этот момент совершается таинство пресуществления хлеба в Тело Христово и вина в Кровь Христову. Поэтому нам как-то и об этом даже говорить никому нельзя. В былое время закрывали двери. Ведь когда слышите вы: «Вонмем, премудростию, вонмем. Двери, двери...», значит, держите крепко двери, чтобы не вошли люди, которые неспособны воспринять это таинство, и чтобы они не поглумились над нами. Пусть лучше они отойдут и подождут там где-нибудь.

... Мне кажется удивительно. Вот когда мы идем по улице, то мы идем вдвоем или втроем – мы держимся локоть к локтю. Когда мы идем по опасному месту, мы как-то еще теснее друг с другом сближаемся. Когда мы идем на прямую опасность, тогда мы как-то стараемся уж особенно блюсти друг друга. Но вот мы подходим к смерти, к смертному часу – и что же мы видим? Мы видим робость, слабость, страх... Ведь это же нелепо.

Вот тут-то и самый главный враг наш, и самая главная наша опасность. Чтобы враг был побежден, мы должны как-то быть особенно сплочены и должны иметь непресекаемую веру к Создателю нашему. Веру в то, что любовь наша – она не может быть разделена. Так же, как Тело Христово – оно раздробляется, но не разделяется. Так любовь к Бог. Он не разделяется. Так любовь к Богу. Он не разделяется, Он не отделяется, и мы с Ним нерушимы во веки веков".

Имейте в виду, дорогие мои, что труд полезный, который мы выполняем, он является приуготовлением к молитве. Праздность никогда не приуготовляет нас, а труд очень приуготовляет. И бывает так, знаете ли, что человек, который весь день провел в трудах ради ближних, встал дома на колени перед образом Божией Матери или Спасителя, и он в одно мгновение получает такое богатство, которое не получит тот, кто праздно проводит время и

постоянно ходит в храм.

Каждый на своем посту, кто стоит – выполняйте свой долг благоразумно, честно, достойно, и преклоните колена, когда нужно будет вам вздохнуть о своей душе.

Прежде чем выйти этому цветку, надо было все-таки потрудиться, и семечко положить, а уж Господь солнышком, теплотою согревает и растит. От нас – что? От нас – труд. Семечко – от Господа. А наш – труд. Надо лопаткой разрыхлить землю, положить. Да еще с любовью. Да еще с молитвой. Да. Это обязательно. Земля требует к себе такого благоговейного отношения.

Она наша мать – земля, нашей плоти мать.

Семья. Преступление не останется безнаказанным, когда оно совершается или мужем, или женой, или отцом, или матерью. Верность друг другу, верность совершенно необходима для того, чтобы жизнь семейная не была призрачной. Один говорит: «Я не хочу жить с женой. Меня счастье манит жить с другой». Или жена: «Не хочу сидеть с этим мужем. Я хочу выйти за другого. Там меня ждет счастье». Никакого счастья там не найдется. Там будет один лишь призрак, и этот призрак исчезнет очень быстро, и конец жизни будет – одна лишь слякоть.

Когда сегодня я вошел в ограду храма, меня встретили три женщины. Они обратились ко мне, и у каждой из них было свое очень большое горе. Жизнь наша часто непереносимо тяжела... Если вы помните, я говорил вам, что монашество зародилось в тот момент, когда наша Церковь стала господствующей. Вторжение чуждой стихии, богатства, было непереносимо для наиболее преданных Церкви людей, и они уходили в пустынные места.

Сейчас столько скорби вокруг нас, что никуда уходить не надо. Монашество – здесь, в ежедневной жизни. «Облецыте себя умственно рясой чернеца», как сказал Гоголь, и трудитесь там, куда Господь вас поставил...

Священник Георгий Кочетков: Несколько слов о св.Серафиме (выступление на международной конференции, проходившей в Бозе, Италия, 19-21 сентября 1996 г.)

Православная духовность

Ваши Высокопреосвященства!

Уважаемые дамы и господа!

Дорогие братья и сестры!

Место св. Серафима Саровского в церковной истории, может быть, станет более понятным, если попытаться сопоставить его со св. Симеоном Столпником. Прп. Симеон и прп. Серафим ознаменовали собою переход к новым этапам в истории христианской аскетики. Но один завершил этап ее становления в рамках константиновского периода церковной истории, а

другой стал провозвестником конца константиновской эпохи в ее завершающей стадии. Св. Симеон закончил свой подвиг на столпе, а Серафим Саровский начал с него. Первый уходил из мира и от мира все дальше и дальше, второй же все больше приближался к нему. Если первого можно назвать, по удачному выражению архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского), символом «черного», то второго — символом «белого» иночества. Хотя оба они умирляли плоть ради собственного спасения и возвышали свой дух ради спасения всех — и тех, кто жил «при дороге», и тех, кто засорил себя терниями забот и грехов, и тех, чье сердце окаменело от бесчувствия и бездушия.

Св. Серафим Саровский — основатель именно русского типа старчества, он, по выражению о. Валентина Свенцицкого, «старец всея России». Он верил, как жил, и жил, как верил, — в правде, мире и радости во Святом Духе. Он на деле, в служении показал свое старшинство в церкви. Он же — основатель и монастыря в миру. Это св. Серафим как бы говорит нам задолго до Ф.М. Достоевского: «Иди в мир, там мира нет», что и значит — «стяжи мир, и тысячи вокруг тебя спасутся».

Св. Серафим делал акцент более на мистическом, чем на аскетическом православии, но был доступен всем. Он был ласков и милосерден, и милосердие это не вмещалось ни в какие заранее заготовленные рамки уставов. Любил кормить и поить приходивших к нему, создавая уют духовной семьи-общины, продолжая литургию после Литургии и евхаристию после Евхаристии, совершая агапы — трапезы любви. Он знал, что Бог хочет спасти всех — праведных и грешных, православных и неправославных, и делал все возможное для исполнения воли Божьей.

Именно за это св. Серафима Саровского и возлюбили, и признали своим все — и православные, и многие католики, и многие протестанты, в том числе харизматического толка, например, пятидесятники, и даже некоторые приверженцы окологреховных направлений теософско-антропософского типа. Его любят и монахи, и миряне, мужчины и женщины.

Св. Серафим Саровский восстановил утраченное равновесие Богопознания и божественного Откровения, Священного Писания и Священного Предания, Слова и Духа, духовного созерцания и духовного действия, любви к Богу и ближнему. Поэтому мы видим в нем, как в древнейших святых, богослова, живущего дарами боговедения и подлинного пророчества.

Он не был светски образованным, поэтому не писал духовных трудов и не говорил красиво. Творчество его было словом и делом, и это запоминалось теми, кто его окружал и любил.

Его плохо знали и не понимали современники, но хорошо узнали потомки. Конечно, когда они переложили его наследие в тексты, то сделали это, как могли, привнеся в них себя и свое. Теперь разделить эти вещи было бы вряд ли возможно, разве что по откровению обоженного сердца и ума, т. е. самой полноты духа и смысла.

В связи с этим сейчас существует много поводов почитать его, или резко расширять его наследие и преувеличивать его значение, или, наоборот, сужая это наследие и принижая его. В первом случае он может как бы затмевать собою не только Евангелие, но и Христа, а во втором — становится прикрытием пропаганды в церкви нецерковных идей, особенно националистического, монархического или ложноэсхатологического толка. В этом кроется большая опасность и возможность соблазна через людей, сектантски и фундаменталистски настроенных, хотя и выдающих себя за православных и пытающихся говорить от имени Церкви, что создает у непосвященных впечатление, будто Православие — это только они.

Таким образом, в нашем народе любят святого батюшку Серафима, любят его доброту и

дерзновение, его смирение и убогость, его силу, совершающуюся в немощи. Он к нам близок и в то же время от нас уже далек, ибо принадлежит старой, уже несуществующей России. Он — напоминание о прошлом и провозвестник славного будущего. Он — во свете Божьего дня, но и в дымке исторических преданий, часто дающих основание для различных толкований его образа и провозвестия. Но главное — он всем нам близок по сердцу, по духу, во славу Божию и Его святой Церкви. Поэтому мы и вспоминаем его так часто, и всегда радуемся, готовясь вновь и вновь услышать: «Христос воскрес, радость моя!» и с любовью ответить: «Воистину воскрес!»

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Стихи

Поэзия

Выбор наш отнюдь не случаен. Совсем не хочется «кормить» православного читателя елейными, псевдодуховными виршами с рифмами типа «Бог - порог», хотя, конечно же, назвать Цветаеву христианским поэтом было бы не вполне корректно. Но послушайте, какая искренность, какая свобода звучит (а иногда и кричит) в ее стихах, как соответствуют они, самый ритм их, любому чувству, волнению, мысли, владеющими ею!

...Нате! Рвите! Смотрите! Течет, не так ли?

Заготовливайте — чан!

Я державную рану отдам до капли!

(Зритель бел, занавес рдян).

(«Занавес»)

Мы решили напечатать здесь и два стихотворения малоизвестного современного поэта Вениамина Блаженного, посвященные Цветаевой (в следующем номере журнала редакция планирует дать подборку его стихов). Завершает нашу публикацию любимое стихотворение самой Марины Цветаевой, принадлежащее перу неизвестной монахини Новодевичьего монастыря, жившей в прошлом веке.

Из сборника «Лебединый стан»

Из строгого, стройного храма

Ты вышла на визг площадей...

— Свобода! — Прекрасная дама

Маркизов и русских князей.

Свершается страшная спевка, —

Обедня еще впереди!

— Свобода! — Гулящая девка

На шалой солдатской груди!

26 мая 1917 г.

* * *

Московский герб: герой пронзает гада.

Дракон в крови. Герой в луче. — Так надо.

Во имя Бога и души живой

Сойди с ворот, Господень часовой!

Верни нам вольность, Воин. Им — живот.

Страж роковой Москвы — сойди с ворот!

И докажи — народу и дракону —

Что спят мужи — сражаются иконы.

9 мая 1918 г.

* * *

Бог прав

Тленьем трав,

Сухостью рек,

Воплем калек,

Вором и гадом,

Мором и гладом,

Срамом и смрадом,

Громом и градом.

Попранным словом.

Проклятым годом.

Пленом царевым.

Вставшим народом.

12 мая 18 г.

* * *

Я счастлива жить образцово и просто:

Как солнце — как маятник — как календарь.

Быть светской пустынною стройного роста,
Премудрой — как всякая Божия тварь.
Знать: Дух — мой сподвижник, и Дух — мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато, —
Как Бог повелел и друзья не велят.

22 ноября 1918 г.

Из цикла «Пригвождена...» I

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что — невинна.
Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем,
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою — за счастьем.
Пересмотрите всё мое добро,
Скажите — или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей ладони — горстка пепла!
И это всё, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это всё, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.

19 мая 1920 г.

* * *

Я на красной Руси
Зажилась — вознеси!

Октябрь 1920 г.

Свиданье

На назначенное свиданье

Опоздаю. Весну в придачу

Захвативши — приду седая.

Ты его высоко назначил!

Буду годы идти — не дрогнул

Вкус Офелии к горькой руте!

Через горы идти — и стогны,

Через души идти — и руки.

Землю долго прожить! Трущоба —

Кровь! и каждая капля — заводь.

Но всегда стороной ручьёвой

Лик Офелии в горьких травах.

Той, что, страсти хлебнув, лишь ила

Нахлебалась! — Снопом на щебень!

Я тебя высоко любила:

Я себя схоронила в небе!

18 июня 1923 г.

Наука Фомы

Без рук не обнять!

Сгинь, выпранных душ

Небыль!

Не вижу — и гладь,

Не слышу — и глушь:

Не был.

Круги на воде.

Ушам и очам —

Камень.

Не здесь — так нигде.

В пространство, как в чан

Канул.

Руками держи!

Всей крепостью мышц

Ширься!

Что сны и псалмы!

Бог ради Фомы

В мир сей

Пришел: укрепись

В неверье — как негр

В трюме.

Всю в рану — по кисть!

Бог ради таких

Умер.

24 августа 1923 г.

Сад

За этот ад,

За этот бред,

Пошли мне сад

На старость лет.

На старость лет,

На старость бед:

Рабочих — лет,

Горбатых — лет...

На старость лет

Собачьих — клад:

Горячих лет —
Прохладный сад...
Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни — лица,
Без ни — души!
Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!
Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без ни-душка!
Без ни-души!
Скажи: довольно муки — на
Сад — одинокий, как сама.
(Но около и Сам не стань!)
Сад, одинокий, как я сам.
Такой мне сад на старость лет...
— Тот сад? А может быть — тот свет? —
На старость лет моих пошли —
На отпущение души.
Ванв, 1 октября 1934 г.

Вениамин Блаженный: Стихи(Вениамин Блаженный)

Поэзия

Когда я говорю «Цветаева», я плачу,

Как будто это я воскрес на третий день
Поведать о ее блаженной неудаче,
О первенстве ее и о ее беде...
О нищенстве хочу поведать я особо:
Немногим привелось быть нищими в глуши,
Переступить порог некрашеного гроба,
А после раздавать сокровища души.
Не знаю почему, но мнится мне Марина
То в образе босой бродяжки на заре,
То спутницей Христа у стен Иерусалима,
А то хромающей собакой во дворе...
Когда я говорю «Цветаева», мне больно,
Как будто это я отнял последний грош
У той, что всю себя раздала добровольно,
Раздала всю себя от сердца до подошв...
Когда я говорю «Цветаева», полмира
Бредет за мной толпой и нищих и собак...
Как горько мне дышать душой твоей, Марина,
Как будто мать и гроб на плачущих губах.

* * *

Моя заботушка, Марина,
Я обниму тебя за гробом,
Из петли мученицу выну,
Почту усердием особым...
Не муж, не друг и не поклонник —
Какой-то спутник пепелища,
Такой же проклятый покойник,
В могилу выплюнутый нищий...

Маринушка, рубец на шее —
Он не дает прорваться вздоху,
А вздох — он молит о прощенье:
«Прости, Господь, свою дуреху...
Прости, Господь, меня, горюху,
Ожесточилась — не стерпела,
Петлей накинула разлуку
На душу грешную, на тело...»
Маринушка, стоим мы оба —
И бьем в порог господний лбами...
Похорошели мы у гроба,
В кровавой выкупались бане.

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Стихотворение неизвестной монахини Новодевичьего монастыря (XIX в.)

Поэзия

Что бы в жизни ни ждало вас, дети, —
В жизни много есть горя и зла.
Есть соблазна коварные сети,
И отчаянья жгучего мгла.
Есть тоска невозможных желаний,
Безнадежный, нерадостный труд
И расплата годами страданий
За десяток счастливых минут.
Все же вы не слабейте душою,
Коль придет испытаний пора.

Человечество живо одною
Круговою порукой добра.
Где бы сердце вам жить ни велело —
В шумном свете иль в сельской тиши —
Расточайте без счета и смело
Вы сокровища вашей души.
Не ищите, не ждите возврата,
Не смущайтесь насмешкою злой.
Человечество все же богато
Лишь порукой добра круговой.
Где бы сердце вам жить ни велело —
В шумном свете иль в сельской тиши —
Расточайте без счета и смело
Все сокровища вашей души.
Подборка А.Копировского и С.Точкиной